

Философская библиотечка для юношества

А.Х.Касымжанов, А.Ж.Кельбуганов

О КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Философская библиотечка для юношества

А.Х.Касымжанов, А.Ж.Кельбуганов

О КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1981

Касымжанов А. Х., Кельбуганов А. Ж.

K28 О культуре мышления.— М.: Политиздат, 1981.— 128 с., ил.— (Филос. б-чка для юношества).

Для того чтобы быть культурно мыслящим человеком, надо не только обладать определенной суммой знаний, но и уметь творчески подходить к решению теоретических и практических проблем. Доктор философских наук А. Х. Касымжанов и кандидат философских наук А. Ж. Кельбуганов, используя интересный материал из истории познания, рассказывают, как, исторически видоизменяясь, формировалась диалектическая культура мышления, образцом которой может служить мысль и деятельность В. И. Ленина.

Книга адресована молодежи, всем, кто имеет отношение к делу коммунистического воспитания.

К $\frac{10502-065}{079(02)-81}$ БЗ—85—60—80 0302020100

15.13
1М

Введение

Культура и мышление — понятия, каждое из которых таит много важных смыслов, имеющих принципиальную значимость для самоопределения человека. В дебрях дефиниций, споров, которые накопились вокруг этих понятий, немудрено и заблудиться. Решившись говорить о культуре мышления, надо как-то пробиться сквозь чащу «запутывающих зарослей». Поэтому предварительно необходимо дать некоторые исходные определения, которые в дальнейшем мы постараемся подробнее обосновать, развить и конкретизировать. Тем самым будет рассмотрен и вопрос о том, что такое мышление, можно ли его культивировать, совершенствовать. Естественно, будут обозначены и те параметры, по которым определяются уровень культуры мышления и перспективы его повышения.

Для нас на первых порах достаточно подчеркнуть, что культура, в отличие от естественной природы, есть то, что произведено, сделано человеком, на что он наложил отпечаток своей деятельности. Культура — мерило развития человека, того, чего он достиг *сам* как человек. Мышление есть отражение реального мира. С одной стороны, мышление предполагает непосредственное отражение, возникающее в процессе соприкосновения органов чувств человека с внешним миром. В то же время мышление — это обобщенное отражение, это как бы обходный путь к постижению вещей, связанный с созданием каких-то идеализаций, абстракт-

ций, допущений, гипотез, целых конструкций, призванных уловить, ухватить в конечном итоге *суть* вещей.

Мышление культурно — это означает прежде всего, что оно развилось, развернуло все свои потенции. Культурное мышление ни перед чем не останавливается, стремясь все осветить светом разума. Такому мышлению ведомы и запреты, и ограничения, начиная от элементарных, связанных с искоренением неряшливости, запутанности, неопределенности. Но есть ограничения и другого, более высокого порядка, проверенные многовековой познавательной практикой, — типа невозможности получения алхимического «философского камня», создания «вечного двигателя» и т. д. Но и тут надо быть крайне осторожным и допускать определенную дозу «еретичности», критичности, ибо под флагом отрицания «недопустимого» могут восторжествовать различные догматические схемы.

Мышление культурно — это означает его современность, неархаичность, что связано с осведомленностью человека в потребностях и запросах своего времени, ориентированностью в интеллектуальных достижениях, в их глубинной, в том числе и «стилевой», сущности. Чувство времени питается, в свою очередь, историзмом, поскольку мышление, не воспитанное исторически, легко оказывается в плену моды, конъюнктуры; оно способно стать своеобразным флюгером, лишенным самостоятельной ориентации.

Ни одна культурная характеристика не дается человеку от рождения; обретение любой из них связано с определенными самостоятельными усилиями, требует упражнения, научения «технике». Если под культурой личности понимать способность к постоянному *сознательному* воспитанию самого себя, то культура мышления занимает особое место среди других характеристик культурного человека — это, вероятно, «первичный пласт», культура культуры. И, может быть, поэтому

овладение ею представляет особую сложность, ибо она есть связующая нить всех начал культурной личности. Обычно мы овладеваем мышлением без специального изучения логических трактатов и учебников по логике. Однако заранее можно сказать, что есть проблемы, решаемые лишь на таком уровне мышления, который существенно не может обойтись без научного анализа самого его механизма.

Математик и педагог Д. Пойа заметил, что разум иногда ведет себя подобно упрямой лошади или мулу — странному животному, к которому мы должны приноровиться и которого должны время от времени понукать, чтобы заставить его служить нам, ибо, вообще-то говоря, он довольно часто отказывает нам в своих услугах. Проблема безотказного и эффективного использования интеллектуальных возможностей стоит особенно остро в современную эпоху, когда колоссальные массы людей освободились от социального и духовного гнета, возродились к творчеству, когда невиданных ранее темпов достиг научно-технический прогресс.

Если попытаться наметить путь сознательного овладения культурой мышления, то им, по всей вероятности, следует признать овладение достижениями исторического развития мировой культуры, особое место в которой принадлежит философии. К философии, как ключу к жизни своей эпохи, к загадкам мироздания, обращались Платон и Аристотель, аль-Фараби и Авиценна, Достоевский и Толстой, Эйнштейн и Бор. Сразу же оговоримся, что философия — это отнюдь не просто сумма знаний, не «наука наук», объединяющая все науки, а наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Именно в силу специфики своего предмета она, по меткому выражению К. Маркса, представляет собой «живую душу культуры»¹.

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 1, с. 105.

Философия всегда касалась предельных оснований бытия и знания, коренных условий культуры и в этом отношении как бы стремилась реализовать все потенции мышления. Кроме того, она включает в себя — начиная уже с Сократа — и теорию мышления. Значит, в философии представлены и практическое искусство мышления, и теория этого искусства, хотя эти две сферы не всегда совпадают.

Для того чтобы научиться свободно чувствовать себя в стихии мышления, лучшей школы, чем история философии, пожалуй, не найти. Подобно тому как человек научается экспериментировать, находясь рядом с мастером эксперимента, работая бок о бок с ним и перенимая его приемы, так же, вникая в ход мыслей великого философа, человек научается мыслить, причем мыслить практически, как научаются хорошему языку, читая мастеров художественного слова. Более того, при этом человек получает возможность различать глубокое мышление от поверхностного, действительное постижение мира — от суррогатов познания.

Нет ни одного философа, который бы в той или иной мере не сталкивался с проблемой культуры мышления и не пытался предложить свои способы овладения ею. Сюда могут быть отнесены отцы софистики Протагор и Горгий (умение «доказывать» все что угодно); Сократ с его знаменитым искусством помогать рождению мысли (умение задавать вопросы и отвечать на них); Платон с его умением восходить от многого к единому и от единого ко многому; Аристотель, открывший в своем «Органоне» логическую структуру мышления и выработавший приемы борьбы с софистической методологией. Даже схоласты средневековья способствовали развитию филигранного логического искусства. В новое время проблемам «усовершенствования» интеллекта посвятили свои труды Ф. Бэкон, Декарт, Спиноза, Локк, Лейбниц, Юм, Гельвеций, Кант, Гегель.

Конечно, свести всю культуру мышления к философской культуре ума было бы явной односторонностью, но несомненно, что без изучения философии подлинная культура мышления невозможна. Любой человек, в какой бы отрасли деятельности он ни был занят, должен знать, что «итоги естествознания суть понятия, а искусство оперировать с понятиями не прирождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии»¹.

Уровень современного мышления во многом определяется его диалектическим характером. Ф. Энгельс указывал, что к диалектическому пониманию природы естествоиспытатель приходит неизбежно, под напором фактов, но этого «можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления»². Овладение материалистической диалектикой как высшим методом и высшей формой мышления — важнейшая потребность научного мышления, занятого решением не только «чисто» научных проблем, но и проблем социальных.

Под культурой мышления в широком смысле мы понимаем *определенную степень развития способности мышления*³ (в узком смысле — «теоретической способности мышления», или искусства «оперирования понятиями»), что достигается путем овладения приемами и способами мышления, помогающими все более глубоко и всесторонне, а тем самым правильно отражать вечно развивающийся мир.

Мы согласны с членом-корреспондентом АН СССР Ю. А. Ждановым, что применительно к вопросам куль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 236.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 14.

³ Способность мышления представляет собой целостную систему интеллектуальных способностей: рассудок и разум, способность суждения и продуктивное воображение и т. д.

туры мышления «не следует с пренебрежением относиться к тому, что по традиции от Гегеля можно называть *формальной* культурой. Она характеризуется умением ясно и определенно мыслить, контролировать свои поступки, владеть эмоциями; она требует воспитания самодисциплины, собранности, четкости, подавления своеволия и стихийности, пережитков знаменитого «ты моему праву не препятствуй!»; она включает в себя корректность, вежливость, уважение к окружающим. Совершенно очевидно, что формальной культурой не исчерпывается все многообразие культуры в целом».

Особо следует подчеркнуть, что культура мышления отнюдь не сводится к овладению содержанием книжных богатств, к этакой «книжной мудрости», а определяется в конечном итоге тем, в какой мере это содержание используется в практической и теоретической деятельности личности. Сознательное участие в разумном преобразовании природной и социальной действительности на основе познания диалектических законов ее развития — вот магистральный путь воспитания себя как многогранной личности, стоящей на высоте диалектической культуры мышления.

МЫШЛЕНИЕ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Рождение мысли

Разум мифа

Народная мудрость
и здравый смысл

Рождение мысли

Древнейшая культура человеческого мышления, глубочайшие пласты которой можно найти в мифологии любого народа, была выработана в условиях первобытнообщинного строя. Человечество существует около двух миллионов лет. Это значит, что на современное мышление падает исключительно малая по времени доля истории человечества. Правда, здесь действует закон: чем дальше от истоков, тем быстрее развитие. И все-таки нельзя отказать в силе и своеобразии той культуре мышления, которая развивалась в течение долгого времени от чисто инстинктивных животных

реакций до сложной системы мироощущения и миропредставления, связанной с целой иерархией обрядов и ритуалов.

Пожалуй, нет более загадочной и привлекательной темы в исторической литературе, чем проблема происхождения человеческого мышления, возникновение и развитие которого связано с развитием мифологических представлений о мире у древних народов. В объяснении древнейшего типа мышления (а следы его и поныне встречаются у всех народностей, стоящих на низких ступенях общественного развития) сталкиваются самые разнообразные, нередко противоположные концепции. Одни ученые настаивают на том, что первобытное мышление «нелогично» (противоречиво, необоснованно, непоследовательно) и «мистично», что оно отличается исключительной тягой к вере в сверхъестественные силы и представляет собой сумму суеверий и предрассудков, и в целом подчеркивают его «примитивность». Другие утверждают, что первобытный человек по-своему довольно «логичен», и находят подтверждение этому в сложнейших трудовых операциях, которые приходилось ему совершать при отсутствии совершенных технических средств. При этом иногда подчеркивается даже высокий уровень «технического» и «инженерного» мышления первобытных народов. В последнем случае нередко делается вывод об их «несамостоятельности» в выработке собственной культуры мышления, которую якобы им передали некие покровители-инопланетяне, о чем будто бы свидетельствуют «ритуальность» их мышления, «запрограммированность» его различными схемами, формулами (алгоритмами) поведения.

Дело, конечно, не в прирожденной «примитивности» или изначальной «несамостоятельности» первобытного мышления. Многочисленные факты приобщения к современной культуре мышления выходцев из племен

и народностей, стоящих на низком уровне общественного развития, отвергают спекуляции, лежащие в основе подобных «теорий». Любая современная культура мышления в своих истоках имеет этот «примитивный» уровень. Вообще примитивность чего-либо заметна только с позиций более высокой культуры. Нельзя абсолютно принижать значение культуры мышления первобытных народов — ведь в таком случае невозможно будет понять истоки тех колоссальных достижений первобытных народов, которые навсегда легли в фундамент современной культуры: установление социальных норм жизни, открытие земледелия, животноводства, ремесел, искусства и т. д.

Разум — слишком заметный дар, чтобы люди с древнейших времен не усмотрели в нем важнейшую особенность человека, определившую его исключительное место в природе. Идеалисты и богословы, настаивая на изначальности человеческого разума, утверждали, что человек, «созерцая» природу, вначале «теоретически» изобрел орудия труда, а потом, воплотив свои идеи в действительность, смог с помощью этих орудий завоевать господствующее положение в обществе.

Бесспорно, «опережение» мыслью явлений действительности и возможность предвидения человеком результата своих действий являются важнейшей особенностью человеческой деятельности. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов, — писал К. Маркс. — Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

Принципиальное расхождение материалистического и идеалистического объяснения природы человеческого мышления намечается в вопросе об его источнике: каким образом у человека появилась способность мыслить? Идеалисты признавали в качестве источника человеческого разума мистическое начало, которое именовалось по-разному (космический ум, бог, абсолютный дух), но обозначало одно и то же: надличный сверхъестественный разум, стоящий над миром, участвующий в его творении и управлении им.

Только марксизм сумел раскрыть великую тайну природы мышления, над которой философская и научная мысль билась более двух с половиной тысяч лет. Марксизм отверг религиозные и идеалистические представления о мышлении как сверхъестественной, мистической способности, которую человек якобы получает от бога или в силу причастности к абсолютному духу, а также показал несостоятельность вульгарноматериалистических представлений, в рамках которых мышление сводилось к физиологическим изменениям в мозговом веществе.

Ключом к раскрытию тайны мышления послужило материалистическое понимание сути и роли чувственно-предметной *деятельности* человека.

Чувственно-предметная деятельность человека представляет собой осуществляемое с помощью различных предметов материальной культуры, прежде всего орудий труда, активное отношение человека к природе и обществу, направленное на их преобразование. Она необходимо включает в себя в качестве идеального компонента и мышление.

Мышление является высшей формой отражения объективной действительности, формой познания мира человеком и протекает в виде сложнейших психических процессов, происходящих в мозгу человека. Будучи функцией, способом деятельности человеческого мозга,

оно представляет собой естественный процесс, который, однако, становится возможным только в определенных условиях. Зарождение и развитие человеческого мышления исторически было прямо связано со становлением чувственно-предметной деятельности человека. Только благодаря ей делается возможным познание человеком законов действительности, которые позднее получают соответствующее теоретическое выражение.

Развитие форм трудовой деятельности, связанное с усовершенствованием средств труда и выполнением совместных трудовых акций, с одной стороны, открывало человеку в природе новые, до того ему не известные свойства, расширяло его кругозор, а с другой — способствовало сплочению первых человеческих сообществ, обеспечению единства действий людей с помощью членораздельной речи. Согласно Ф. Энгельсу, три величайших фактора — развитие труда, членораздельной речи, социальной жизни, — как бы подталкивая друг друга, привели к возникновению современного человеческого общества.

Эти факторы определяли и процесс возникновения и развития человеческого мышления. Ф. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция, дедукция*, следовательно, также *абстрагирование... анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны»¹. Природная сообразительность перво-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537.

бытного человека, представлявшая собой ту «естественную силу», которую он использовал для достижения своих целей, вместе с развитием и усложнением трудовых операций получила невиданное развитие.

Но возможность превращения природной сообразительности в собственно мышление стала реальной только тогда, когда тысячекратно повторяемые действия привели к закреплению в опыте человека устойчивых, жизненно необходимых приемов и навыков деятельности. Простейшие приемы изготовления примитивных орудий и способы их использования, определенные нормы социальной жизни, постепенно накапливаясь, переходили от одного поколения к другому. Последующие поколения усваивали этот опыт в готовом виде и продолжали работу по его усовершенствованию. «Живой опыт» племени являлся той материальной родовой памятью, через приобщение к которой в каждом из индивидов пробуждалось и развивалось человеческое начало.

Те или иные действия, совершаемые людьми, постепенно приобрели символическое значение, они фиксировались в виде ритуала — определенной исторически сложившейся канонизированной формы поведения. Возникновение ритуала в собственном смысле этого слова, или «обрядового» действия, стало возможным тогда, когда форма действия (символическое действие) утратила свою непосредственную связь с реальной целесообразной, прежде всего производственной, деятельностью и приобрела самостоятельное значение. При этом отношения между ними как бы перевернулись: не ритуал оказался в глазах первобытного человека «изображением», «копией» реального действия (как это произошло исторически), а, наоборот, само реальное действие приобрело «зависимое» положение и необходимо должно было «подражать» ритуальным формам (жестам, нормам, обычаям).

С развитием членораздельной речи природная сообразительность начинает как бы отделяться от непосредственной сращенности с чувственно-предметной деятельностью человека, все более находя свое выражение в слове. Мышление, представлявшее собой первоначально «чувственно-практическое» мышление, как бы растворенное в стихии человеческой деятельности, постепенно приобрело форму «словесного» мышления, надстраивающегося над этой деятельностью, и в отличие от нее получило собственный инструмент и орудие своего выражения: слово.

В том, что выражение тех или иных приемов, формы действия в слове составляет известную трудность, можно убедиться на таком примере: свое умение что-либо делать подчас гораздо легче показать, продемонстрировать (принцип «делай, как я»), чем объяснить в словах и тем более свести к определенным правилам. Последнее требует высокого уровня развития сознания.

Разделение труда, специализация людей по разным отраслям труда — все это привело к выделению прослойки людей, занимающихся различными видами преимущественно духовной деятельности: управлением общиной, накоплением, сохранением и передачей различных знаний, обычаев, традиций. Таким образом, исторически первый нерасчлененный акт «действие — познание» начал распадаться на два полюса: один — с преобладанием физического труда, другой — с преобладанием умственного труда.

Разделение труда на умственный и физический явилось одним из способов развития и утверждения классовых отношений в обществе, когда «благородные» (преимущественно духовные) виды труда стали привилегией господствующих классов, а на долю большинства населения были оставлены грубые, неразвитые формы трудовой деятельности, требующие ко-

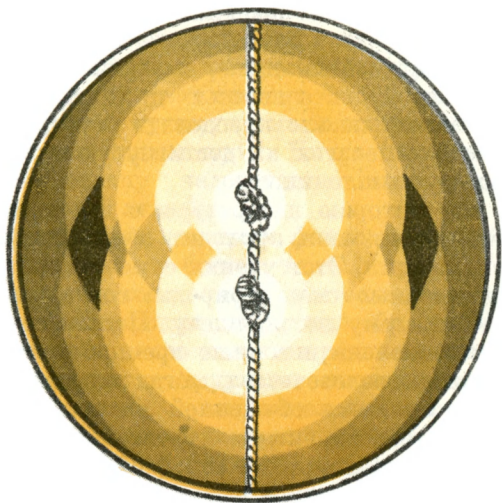
лоссальной затраты физической («мускульной») энергии.

Современной наукой установлен факт принципиальной общности внутренней (теоретической) и внешней (чувственно-предметной) деятельности человека. Хотя по характеру продукта оба вида деятельности различаются между собой (практическая деятельность создает материальные продукты, а теоретическая — «идеальные»: науку, искусство, философию и т. д.), абсолютное разграничение этих видов деятельности невозможно. Практическая деятельность человека в конечном счете немыслима без его умственной деятельности, а теоретическая деятельность неотделима от чувственно-предметной, без которой невозможно воплощение идеального продукта (теории, художественного образа и т. д.) на бумаге, холсте и т. п.

Ныне в самых широких масштабах происходит воссоединение отчужденных друг от друга форм человеческой деятельности. Однако идеологи эксплуататорских классов продолжают твердить о глубочайшей пропасти между физическим и умственным трудом. Эта пропасть действительно была создана всей предшествующей историей антагонистических обществ, но она будет ликвидирована в ходе реального движения человечества по пути социального прогресса. Свидетельств этому вполне достаточно. Современный рабочий высокой квалификации становится личностью, мыслящей теоретически, подлинным мастером своего дела. Современный ученый — это также и практически мыслящая личность, стремящаяся увидеть возможность непосредственного материального эффекта от реализации своих теоретических изысканий.

Марксизм впервые позволил установить прямую зависимость между степенью развитости мышления человека и широтой овладения им специфическими формами человеческого существования. разнообразными

способами чувственно-предметной и мыслительной деятельности и формами общения, языком и т. д., которые были выработаны общественной практикой. Диалектико-материалистическое понимание природы мышления дает возможность получить правильный взгляд на культуру мышления и осветить историческое развитие как ее самой, так и представлений о ней в истории философии и науки.

Разум мифа

Сознание человека берет начало с попыток воспроизведения и фиксации в словесной форме тех жизненно значимых действий, которые были выработаны в течение длительной эволюции человеческого рода и составили важный слой культурного наследия, нараставшего и уплотнявшегося с каждым новым поколением людей.

Вся история первобытного общества свидетельствует о зарождении и развитии человеческого мышления, неразрывно связанного с чувственно-предметной деятельностью. Собственно, в исходном пункте человеческого

общества нет «чистого» познания; познание и практика неотделимы друг от друга, это — единый акт «действие — познание». Мышление, вызванное к жизни самой практической деятельностью, до конца первобытного общества не смогло преодолеть эту сращенность, что наложило отпечаток на достигнутую к этому времени культуру мышления.

Через всю историю литературы с древнейших времен до нашего времени проходит образ «недоучившегося» ученика мага. Этот ученик сумел вызвать к жизни могущественные силы природы, совладать с которыми оказалось ему не по плечу. Подобная ситуация отнюдь не исключена и в наше время, но для первых этапов развития человечества, когда все делалось «на ощупь», она являлась обыденной реальностью. Человек в процессе своей активной деятельности пробуждал в природе «дремлющие» в ней силы. Когда же он не мог подчинить их, она предстала в грозном облике стихийных сил, «потревоженных» человеком, несущих кару и обрушивающих на человека возмездие за его «дерзость». За каждую победу над собой, отмечал Ф. Энгельс, природа нам «мстит», вызывая непредвиденные отдаленные последствия, подчас уничтожающие значение тех, которые человек стремился получить в первую очередь. Выкорчевка лесов для получения пахотных земель вела к последующему запустению этих районов, так как одновременно люди уничтожали центры скопления и сохранения влаги; распространение картофеля в Европе сопровождалось эпидемией золотухи. И совсем недавний пример: полное уничтожение птиц, предпринятое в некоторых районах Китая, привело к значительным потерям в урожае зерновых в результате нашествия вредителей на поля. «И так на каждом шагу факты напоминают нам о том,— писал Ф. Энгельс,— что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не вла-

ствуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять»¹. Ничто не проходит бесследно — эту истину человечество завоевало опытом многих поколений людей.

И если прав был немецкий философ Л. Фейербах в том, что «страх создал богов», то сам страх был порожден результатами собственной деятельности человека. Страх не только породил гигантские образы богов, но и вызвал громадное число запретов различных видов действий, приводящих к «дурным» последствиям. Суеверия нашего времени — это отголоски системы запретов, выработанной человечеством в своем «доисторическом» прошлом. Всеобщая вера в «черную» и «белую» магию, в «заговоры», «отпевания», «сглаз» и т. п. возможна в ту эпоху, когда в мышлении человека форма действия еще не отделяется от самого действия, хотя практически этот процесс уже совершился. Когда «отпетый» узнаёт, что в отношении его совершен обряд «убийства», то он погибает (этот факт засвидетельствован в многочисленных этнографических источниках) не вследствие каких-либо сверхъестественных сил, но в результате исключительно глубокого психологического стресса, порожденного отождествлением в сознании реального убийства и его имитации (формы). Сама вера в эффективность результатов «магической» деятельности подкреплялась в условиях племенной жизни многочисленными аналогичными случаями со смертельным исходом, и преодолеть ее составляло большую трудность даже для тех, к примеру, чистокровных аборигенов Австралии, которые получили «европейское» образование.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 496.

Слишком сложным и длинным путем развивалось человечество, чтобы оно не стало в целях самосохранения в широчайших масштабах учитывать и свой «отрицательный» опыт. На заре истории появление запретов было своеобразной попыткой приобрести гарантии от возможности повторения этого опыта. Слово «нельзя!» как бы символизировало разумную осторожность и вместе с тем вызывало инстинктивный страх.

Мышление первобытных людей проделало колоссальную работу по осмыслению и регулированию социальных связей в рамках сообщества. В соответствии с духом своего времени оно выработало особую форму этого осмысления и регулирования, отложившуюся в мифах.

Миф, представляя собой рассказ, истинность которого никогда не оспаривалась, составлял предмет священной веры. В нем повествовалось об отдаленных событиях и деятельности прародителей или основателей человеческого рода. Сила воздействия мифа на жизнь племени была связана с тем, что его содержание всегда соотносилось с реальной жизнью общины. Миф использовался в качестве инструмента социального контроля, представляя собой как бы «модель» человеческого поведения и действия в определенных условиях, «правильность» которой была выверена всей предшествующей практикой. Мифы, вовлеченные в обиход племенной жизни (а их было громадное количество), служили своеобразной «лабораторией» человеческой мысли, в которой были накоплены и систематизированы в определенном порядке испытанные образцы человеческого поведения на все случаи жизни. Овладевая мифологической культурой своего племени, индивид начинал соотносить свой личный опыт с родовым опытом коллектива.

Этим определялось значение «мудрости стариков», которые в условиях бесписьменной эпохи были един-

ственными хранителями всей суммы знаний и умений, накопленных племенем, и составляли его «живую память». Согласно выражению индейцев Южной Америки, «когда умирает старый человек, горит целая библиотека». «Живой опыт» людей не потерял своего значения и в наше время, несмотря на колоссальные достижения в области «материализации» памяти человечества, прежде всего в письменности, а в последнее время и в «машинной» памяти. Когда-то французский психолог А. Пьерон заметил, что если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой погибло бы все взрослое население и остались в живых только маленькие дети, то, хотя человеческий род не прекратил бы своего существования, культурная история человечества оказалась бы отброшенной к своим истокам, ибо некому было бы привести в движение культуру, приобщить к ней новые поколения людей, раскрыть им секреты ее воспроизводства. Все пришлось бы начинать сначала, так как вместе со взрослым населением был бы навсегда утрачен ключ ко всей культуре, выработанной человечеством в течение всей его истории.

Советский психолог Л. С. Выготский показал, что существуют так называемые рудиментарные психические функции — древнейшие формы человеческой психики и поведения, сохранившиеся ныне в виде остаточных явлений, «психологических окаменелостей» практически у всех людей. Одной из таких функций является известная операция «завязывание узелка на память». Если человеку нужно что-либо запомнить, он прибегает к испытанному методу: завязывает узелок, который должен напомнить ему о том, что нужно сделать. В некоторых случаях это служит достаточно надежным средством запоминания.

Подобная операция абсолютно невозможна для животных. В самом акте введения искусственного, вспо-

могательного средства, в активном создании и употреблении его в качестве орудия памяти Л. С. Выготский усматривал принципиально новую, специфическую черту в человеческом поведении. Завязывание узелка на память явилось одной из самых первичных форм «письменной» речи. «Первый узел, завязанный на память, — писал Л. С. Выготский, — означал зарождение письменной речи, без которой была бы невозможна вся цивилизация». В истории культуры известны цивилизации, которые использовали «узелковые» способы фиксации событий. В древнем Перу они употреблялись для ведения хронологии, для сохранения сведений, относящихся к государственной жизни, и т. д.

Каждый народ вырабатывал свои особые вспомогательные приемы запоминания жизненного опыта, одним из которых была эпическая поэма. Такие ее особенности, как ритм и повторы, могли способствовать выполнению ею функции «устной энциклопедии» народа. Через мифы, а в последующем через эпические произведения, которые многие знали наизусть, усваивались не только выработанные обществом представления о действительности, но и особые приемы «мифологического» мышления, позволявшие первобытному человеку ориентироваться в действительности. Мифы — это первое издание «умственного словаря» человечества, утверждал итальянский философ Д. Вико (1668—1744).

В значительной степени этим объясняется притягательная сила мифа в современную эпоху, возрождение различных форм мифотворчества в науке и особенно в художественной литературе. Конечно, культивируемый ныне на Западе «миф», претендующий на адекватное осмысление действительности, глубоко отличен от мифа классической древности, который невозможен в наше время. Но есть и общее в этих двух формах мифологического сознания, заключающееся в том, что «вся-

кая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы»¹. Страх современного «среднего», как его называют западные социологи, человека буржуазного общества порожден, конечно, не стихией природных сил, а вырастает из игры социальных сил, приведенных в движение таким могущественным «демоном», как частная собственность. Ф. Энгельс метко раскрывает материалистическую сущность одной «религиозной» пословицы: «До сих пор еще в ходу поговорка: человек предполагает, а бог (т. е. господство чуждых человеку сил капиталистического способа производства) располагает»².

Но есть и другая сторона современного мифотворчества, связанная с его гуманистической ориентацией. В XX веке во всех сферах культуры, в том числе в искусстве и философии, проявляется серьезный интерес к истокам, к корням культуры, заложенным в эпоху становления человека и отраженным в структуре и схемах первобытного мышления. Черты гармоничности в требованиях к себе и природе, свойственные мифу, находят место и в советской литературе (Ю. Рытхеу и Ч. Айтматов). Многие из того, что нами унаследовано, вошло в плоть и кровь, в наш язык и способ нашего существования. Разум мифа — отдаленнейшая предпосылка нашего современного мышления, которую надо понять в целом, чтобы острее увидеть и прошлое, и современность, и перспективу будущего.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 47.

² Там же, т. 20, с. 329.

Народная мудрость и здравый смысл

Возрастание объема и усложнение чувственно-предметной деятельности, направленной на удовлетворение жизненных потребностей человека, оказали решающее влияние на развитие его мышления. Потребность описания в словесной форме достижений «практической» мудрости, выражавшихся в действиях, постепенно привела к отделению мыслительного акта от непосредственной сращенности его с физическим действием. Развитие новой формы мышления, выраженной в слове, составило основу «народной мудрости», воплощенной в различных видах устного народного творчества.

На ранних этапах истории человечества мудрость приписывалась прежде всего богам, которые в качестве «дара» наделяли ею отдельных людей. Некоторые боги сами выступали как олицетворение мудрости. У древних греков это была Афина Паллада, богиня мудрости, покровительница наук. Считалось, что люди, которых коснулась «искра божья», прежде всего отличаются способностью судить о неведомом, скрытом, непонятном в прошлом и настоящем, предрекать ход событий, «направляемых» самими богами. Мудрыми признавались те, кто знал мифы и предания, повествующие о далеких временах, об ошибках и заблуждениях, приводивших людей к гибели. Таким образом, в родовой памяти племени обобщался в мифологической форме социальный опыт, предостерегавший людей от повторения ошибок. Но особенно почитался тот, кто по каким-либо признакам (по полету птиц, по крику совы — вестницы богини Афины и т. д.) мог предсказать ход событий, открыть занавес перед будущим. Это были прорицатели, оракулы, своеобразные духовные наместники богов и посредники между богами и людьми.

С разрушением устоев первобытного строя мифология, как основной способ мышления и идеология патриархально-родового общества, потеряла свою основу и понятие «мудрость» было переосмыслено в контексте новой социальной реальности. Мудрость стала пониматься как умение разбираться в земных событиях самих по себе, без соотнесения их с миром богов и «божьих дел».

Почетное звание «мудреца» получают уже не певцы, рапсоды, сказители и не богослужители — жрецы и прорицатели, а люди, обладающие практической сметкой и политической прозорливостью. История сохранила для нас имена первых «семи мудрецов» Древней Греции, живших на рубеже VII—VI вв. до н. э. Большинство из них являлись крупными политически-

ми деятелями своего времени и прославились как мудрые устроители и законодатели общественной жизни: Клеобул, Хилон, Солон, Периандр, Питтак, Биант, Фалес. Мудрыми они прослыли прежде всего за свои изречения: «Мера важнее всего», «Познай самого себя», «Старайся быть спокойным» и т. д. Эти афоризмы, которые теперь могут показаться тривиальными выражениями житейской мудрости, фиксировали основные моменты отношения человека к самому себе и к окружающим и свидетельствовали о переломе в сознании людей того времени.

О том восторге, с которым было воспринято в свое время вошедшее в поговорку немногословие жителей Лакедемона (Спарты), являвшееся существенной стороной культуры мышления «семи мудрецов», свидетельствуют те слова, которые Платон вложил в уста Сократа в диалоге «Протагор»: «...лаконцы действительно отлично воспитаны в философии и искусстве слова, это вы можете узнать вот из чего: если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то большею частью нашел бы его на первый взгляд слабым в речах; но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком. Вот поэтому-то кое-кто из нынешних, да и из древних догадались, что лаконствовать — это значит гораздо более любить мудрость, чем телесные упражнения; они поняли, что уменье произносить такие изречения свойственно человеку в совершенстве образованному... Но ради чего я это говорю? А ради того, что таков был у древних способ философствовать: лаконское немногословие».

Древнекитайский мыслитель, политический деятель и педагог Конфуций (ок. 551—479 гг. до н. э.) на вопрос одного из своих учеников: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» ответил: «Это сло-

во — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе».

В мифологии подобные изречения если и появляются, то относятся к какому-либо частному случаю. Так, в некоторых мифах говорится о том, что нельзя неумеренно есть, пить, наслаждаться и т. д., но никогда в общем виде: «Мера важнее всего». Потребность выявления в краткой и емкой форме основных принципов и норм человеческого поведения безотносительно к племенной принадлежности и условиям места и времени стала неизбежной, когда патриархально-родовые отношения, освященные мифологической традицией, отступили на второй план.

Характерной особенностью первобытного мышления являлась его наивность, принятие преимущественно на веру всех сведений, получаемых от окружающих, т. е. неразвитость критического отношения к действительности. Мышление данного периода совершало бессознательную переработку и усвоение «рецептов», хранившихся в родовой памяти коллектива; человек только приспособлял свою деятельность к известным схемам и правилам жизнедеятельности. Это объяснялось необходимостью максимального учета жизненного опыта, положительного и отрицательного, и неумением провести четкую границу между правдоподобным и неправдоподобным в своих представлениях. Собственно *критическая способность*, т. е. стремление к отчленению правдоподобного от неправдоподобного, является исторической способностью, результатом длительного социального и умственного развития человечества.

У первых философов можно найти критическую оценку всех прежних и современных им представлений, но она еще не распространяется на их собственные представления о мире, которые осознаются как предел знания, «высшее» знание, «божественная мудрость». Со временем критика перерастала в *самокрити-*

тику, которая была выделена в качестве важнейшего параметра культуры мышления каждого человека афинским мыслителем Сократом (V в. до н. э.). Тысячелетия живет платоновский образ неугомонного старца, беспощадно выжигающего своей иронией интеллектуальную спесь и тщеславие аристократии духа, человека, впервые признавшего высшим критерием оценки мудрости не просто сумму некоторых умений и сведений о мире, но и известную степень самокритичности мышления: «Я знаю, что ничего не знаю». Действительно, претензии человека, глубоко разбирающегося в каком-либо одном или нескольких вопросах, быть авторитетом во всех других выглядят по меньшей мере нелепыми. У того, кто настаивает на этом, происходит переход разума в свою противоположность — неразумие.

Эта сторона культуры мышления — «знать, что ничего поистине не стоит собственная мудрость», т. е. знать поле приложения собственного интеллекта и границы его, за пределами которых начинается неразумие, — находит свои параллели в индийской и китайской философии. Так, в памятнике раннего буддизма — Дхаммападе (одним из переводов этого названия могло бы служить: «Слово об учении»), представляющей собой сборник изречений, приписываемых легендарному Будде (623—544 гг. до н. э.), говорится: «Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрецом, воистину, как говорится, «глупец». В трактате «Дао дэ цзин» («Учение о дао и дэ») (IV—III вв. до н. э.), приписываемом древнекитайскому мыслителю Лаоцзы — основателю философской школы даосизма, сказано: «Мудр тот, кто имеет знания и делает вид, что не знает. Глуп тот, кто, не имея знания, делает вид, что знает». И здесь же: «Совершенномудрый никогда не считает себя великим, поэтому он может стать действительно великим».

Ничто так не мешает развитию человека, как его преувеличенное представление о самом себе, его самонимение. Поэтому первый шаг к подлинной мудрости заключается в преодолении тщеславия, заставляющего казаться самому себе и другим одинаково сведущим во всех вопросах, — вот вывод, к которому пришла древняя философия мудрости и который вошел в современное представление о культуре мышления.

Вместе с обретением критической способности человеческое мышление стало на путь развития *самостоятельности* интеллекта каждого индивида. Ограниченность первобытного коллективизма, заложившего начатки человеческого общежития, проявилась в том, что он подавлял всякую частную инициативу, всякую самостоятельность, идущую вразрез с раз и навсегда установленными канонами и правилами поведения. Здесь жестко закрепились особая форма ориентации в действительности, когда человек при появлении каких-либо проблем не полагался на свой рассудок, а находил достаточное основание для того или иного решения вовне, т. е. в заранее выработанных «рецептах»: мифах, преданиях, ссылках на авторитет определенного лица, а в более затруднительных случаях обращался к помощи оракулов, предсказателей, жертвенных животных, жребия.

Л. С. Выготский усматривал в последнем случае проявление уже упоминавшихся нами рудиментарных функций. Хорошей иллюстрацией для анализа условий их возникновения служит знаменитый философский анекдот о буридановом осле. Голодный осел, находящийся на одинаковом расстоянии от двух совершенно одинаковых вязанок сена, размещенных справа и слева, должен неминуемо погибнуть голодной смертью: он не может предпочесть ни одну из вязанок сена, так как действующие на него мотивы уравнивают друг друга и направлены в противоположные стороны.

А что происходит в подобной ситуации с человеком? Он бросает жребий. Известно, какую роль играют жребий, «вещие» сны, гадание на картах и т. д. в истории ранних и даже более поздних по времени общественных формаций, по крайней мере на уровне обыденной жизни. Во всех этих фактах Л. С. Выготский усматривал начало сознательного самоконтроля собственных действий. Человек, впервые пришедший к бросанию жребия, сделал важный шаг по пути культурного развития, несмотря на то, что подобная операция убивает всякую серьезную попытку использовать размышление или опыт в практической жизни. В самом деле, зачем думать и изучать ситуацию, когда можно увидеть сон или бросить кости? Видимо, такова судьба всех форм магического поведения: очень скоро они превращаются в помеху для развития мысли, хотя на определенной ступени исторического развития мышления являются важной вехой культурного роста человека. Бесспорно одно: подобно тому как завязывание узелка на память было первой исторически известной, а ныне стало рудиментарной формой культуры памяти, так и бросание жребия явилось первой исторической формой культуры воли человека.

Самосознание человека включает не только осознание себя отдельным индивидом, но прежде всего утверждение себя *личностью, способной самостоятельно принимать решения*. В историческом прошлом нередко встречаются факты, когда человек, вознесенный судьбой на командный пост, по существу, отказывался принимать на себя ответственность при решении каких-либо важных вопросов. Так, римляне часто искали ответа в полете птиц, а их полководцы принимали решение относительно предстоящего сражения, основываясь на результатах осмотра внутренностей животных. «Чем глубже в прошлое,— писал советский историк Б. Ф. Поршнев,— тем более мы видим человека запе-

ленутым в речевые и образные штампы и трафареты, в формулы оценок и поведения, в формулы житейской мудрости, практического рассудка, верований. Он разгружен от необходимости думать: почти на всякий случай жизни, почти на всякий вопрос есть изречение, пословица, цитата, стих, пропись, обобщенный художественный образ. Каждая такая формула применима ко многим конкретным значениям. Надо только уметь вспоминать подходящую».

Первобытное мышление дало пример всеобщего господства «рецептурного» мышления, когда поведение человека ориентировалось в соответствии с житейским опытом племени, зафиксированным в виде мифа. Первая «ревизия» содержания этого мышления на рубеже двух эпох коснулась прежде всего «мифического», т. е. «сверхъестественного», содержания. В рациональном виде это мышление предстало просто как обобщение практического опыта. «Первые мудрецы» в истории человеческого общества явились открывателями этого пласта мышления в народной мудрости, которая тем самым в значительной мере дошла до нашего времени.

Как отмечал польский философ Т. Котарбинский, «из обобщений практического опыта создается отстой в виде праксеологических поговорок («Куй железо, пока горячо», «Как постелешь, так и выспишься»), общеупотребительных максим технической житейской мудрости («Ничего сверх меры», «Что намереваешься побороть, преодолевай уже в самом начале», «Лучшее — враг хорошего»), афоризмов, касающихся целесообразной деятельности... Например, из поговорки «Куй железо, пока горячо» ясно вытекает требование обрабатывать материал в том его состоянии, когда он легче поддается воздействию. Эту истину трудно не признать».

Народная мудрость, вырастая на основе чувственно-предметной деятельности, никогда не порывает с

ней связи. И хотя каждое изречение способно жить вне контекста, но тот или иной его смысл выступает лишь в зависимости от ситуации, в которой оно высказывается. Неумение выделить «рациональное зерно» (смысл) в отшлифованной временем словесной форме — поговорке, пословице — и соотнести его с контекстом определенной ситуации, неумение подняться над буквальным смыслом того или иного выражения издавна относилось в народе на счет «набитого дурака», битого именно за это.

«Ум» состоит в умении раскрывать потаенный смысл выражения, просвечивать содержание иносказания, которое не дается в готовом виде, а становится доступным в той мере, в какой это позволяет богатство жизненных впечатлений. Немецкий философ Гегель (1770—1831) заметил, что одно и то же нравственное изречение в устах юноши, понимающего его совершенно правильно, не имеет, однако, такой же значимости, как «для духа умудренного житейским опытом зрелого мужа; для последнего этот опыт раскрывает всю силу заключенного в таком изречении содержания».

Отсюда понятно, почему высокой степенью «мудрости» отмечались в фольклоре люди, умевшие подбирать ключ к «зашифрованному» смыслу предложения (загадки) и «загадывать» новые. Народная загадка — это лишенное мистического налета искусство прежних оракулов, пророчиц, гадателей, тайна без священных покровов. Она доступна каждому человеку, обладающему природными способностями и жизненным опытом. Поэтому, когда царь Эдип разгадал знаменитую загадку Сфинкса («Какое существо утром передвигается на четырех ногах, в полдень — на двух, а вечером — на трех?»), чудовище бросилось со скалы — человек превзошел его именно в этой «мудрости».

Другим полюсом «рецептурного» мышления явля-

ется то, что народная мудрость может быть осмыслена в соответствии с узко личной позицией и служить для обоснования отнюдь не широкого жизненного кредо, принимая при этом пошлые и ходячие формы «житейской» мудрости. Содержание народной мудрости явно неоднородно, в ней отложилось, например, и оправдание небрежности, лодырничанья, «шкурности» интересов («Работа — не волк, в лес не убежит», «Своя рубашка — ближе к телу», «Моя хата — с краю, ничего не знаю» и т. п.). Узость мышления субъекта, якобы опирающегося в своих поступках на народную мудрость, состоит в том, что он «выуживает» из нее только то, что служит его низменным желаниям и стремлениям. В результате мы видим некое подобие образа городничего из гоголевского «Ревизора», психологический портрет которого был так обрисован В. Г. Белинским: «...на что нам знать подробности жизни городничего до начала комедии? Ясно и без того, что он в детстве был учен на медные деньги, играл в бабки, бегал по улицам, и как стал *входить в разум*, то получил от отца уроки в житейской мудрости, т. е. в искусстве *нагревать руки и хоронить концы в воду*. Лишенный в юности всякого религиозного, нравственного и общественного образования, он получил в наследство от отца и от окружающего его мира следующее правило веры и жизни: в жизни надо быть счастливым, а для этого нужны деньги и чины, а для приобретения их взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье перед властями, знатностью и богатством, лманье и скотская грубость перед низшими себя».

Безотказным оружием народа в борьбе с глупостью во всех ее проявлениях всегда был смех. Любимое зрелище позднесредневекового и ренессансного города, пишет советский литературовед Л. Е. Пинский, — это карнавальные «шествия дураков», «беззаботных ребят» во главе с Князем Дураков, Папой Дураком и Дурьей Ма-

тушкой, процессии ряженных, изображавших Государство, Церковь, Науку, Правосудие, Семью как сборище плутов, лицемеров и глупцов. Девиз этих игр — «Число глупцов неисчислимо». Эта же тема проходит сквозной линией через поэзию, искусство, народный театр XV—XVI вв. Центральной идеей всей смеховой культуры позднего средневековья является то, что глупцы вовсе не составляют особого сословия и принадлежность к власти имущим сословиям вовсе не гарантирует «счастливцу» место в разряде умных людей, — любая ограниченность, свойственная человеку, является синонимом глупости, любая односторонность достойна служить предметом всенародного осмеяния. Этот смех беспощаден, насквозь ироничен, но его всеразьедающая сила содержит в себе целительные соки: смеясь, человек обретает свободу мысли от всех «серьезных», окостенелых, односторонних и прямолинейных форм рассудочной деятельности. В этом аспекте понятен тот энтузиазм, с которым народ ставил на алтарь свободы разума образ не древнегреческой богини мудрости Афины Паллады, а ее антипода — богини глупости Мории. Цель всей позднесредневековой и ренессансной литературы, указывает Л. Е. Пинский, состоит в том, что «читателю нужно вернуть ту способность, которую горе у него отняло, способность смеяться. Он должен вернуться к нормальному состоянию человеческой природы, для того чтобы истина ему открылась... Смех свидетельствует о ясном духовном зрении — и дарует его. Чувство комического и разум — два атрибута человеческой природы. Сама истина, улыбаясь, открывается человеку, когда он пребывает в нетревожно радостном, комическом состоянии».

Во всех переломных периодах человеческой истории смех играл роль того необходимого чистилища, через которое общественное сознание одной эпохи перешагивало в иные времена. Народный смех, по словам литературоведа М. М. Бахтина, свел счеты с «трагической

серьезностью» античности и «догматической религиозной серьезностью» средневековья. Ныне, можно сказать, мы переступили порог «открытой серьезности», включающей в себя в качестве внутренне необходимого момента смех как средство очищения от всякой бюрократической, чинной серьезности. В. И. Ленин писал, что «во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством»¹. Почему, спрашивал Ленин, в таких случаях «не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полушутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и т. д.?». И проницательно замечал, что «в западноевропейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает»². «Смех,— подчеркивает Л. И. Брежнев в книге «Малая земля»,— грозная сила, свидетельство оптимизма, признак душевного здоровья людей».

В мышлении человека можно выделить *два уровня*, хотя граница между ними условна. К первому относится так называемая природная сила ума, «естественный свет разума» (если употреблять выражение французского философа Декарта), или естественное, инстинктивное, обыденное, «доморощенное» мышление, здравый смысл, здравый (обыденный) рассудок. Ко второму уровню относят теоретический рассудок, разум, теоретическое мышление.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 400.

² Там же, с. 398.

В чистом виде здоровый смысл (здоровый рассудок) во все времена выступал только у людей, не получивших образования; у грамотных здоровый смысл подкреплялся определенной суммой знаний и навыков мышления, вынесенных из школы, или же, наоборот, угасал под их влиянием. Здоровый рассудок — тот минимум интеллекта, который каждый нормальный человек усваивает стихийно, бессознательно, в той мере, в какой овладевает живым опытом современников, навыками человеческой жизнедеятельности. В этом смысле здоровый рассудок составляет так называемое природное мышление и присущ каждому человеку.

Двойственность, двуликость здравого смысла в значительной степени порождена природой обыденного опыта. Так, опыт ежедневно свидетельствует о движении Солнца по небосводу, «однако ж прав упрямый Галилей»; до открытия Америки «здравомыслящие» люди не верили в существование еще одной части света и т. д. Все это позволило Гегелю утверждать, что «здоровый человеческий смысл заключает в себе образ мышления, максимы и предрассудки своего времени, и определения мысли этого времени управляют им совершенно бессознательно для него».

С другой стороны, подверженность здравого рассудка традиции не абсолютна, поскольку он меняет свой облик с появлением нового опыта и расширением его границ. Апелляция к опыту была сильнейшим оружием в борьбе представителей французского Просвещения против религиозных верований и предрассудков. В лице просветителей, по словам Гегеля, выступил «настоящий здоровый смысл», отличный от грубости и невежества обыденного здравого смысла. Именно «в образованной сфере он находит свое свободное, мощное и правдивое выражение в определенностях образования, а затем и в парадоксах Руссо, выступающего против этих определенностей, как и против самого образова-

ния. Он может быть и опытом, рассуждением и шуткой, как у Вольтера и Гельвеция».

Здравый смысл не только включает в себя совокупность определенных представлений своего времени, но и является особым способом мышления, который, несмотря на некоторые диалектические блески, в целом тяготеет к метафизическому истолкованию явлений. Для метафизика «вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности»¹.

Ф. Энгельс отмечал, что здравый человеческий рассудок — «весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода», однако лежащий в его основе «метафизический способ понимания, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса»². Этот недостаток здравого смысла порождается не критическим усвоением массы жизненных правил и принципов, которые признаются абсолютно неизблемыми истинами, причем он не теряет своей двойственности. То, что он признает неизблемым, постоянно опровергается им же самим в его действиях. Многоопытным при этом считается тот, кто умеет преодолевать крайности и на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 21.

² Там же.

ходить «золотую середину». Тот же, кто придерживается одной крайности, оказывается педантом и часто портит дело себе и другим.

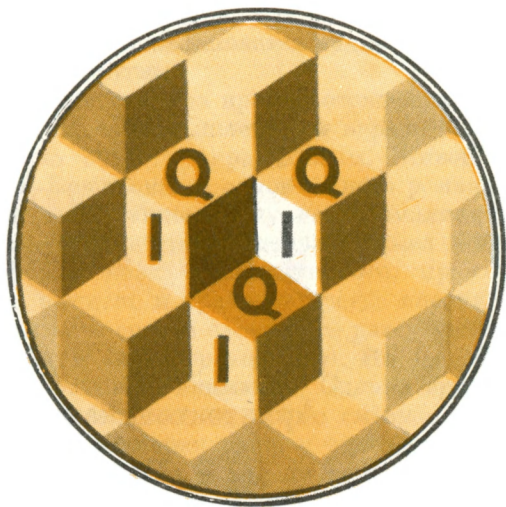
Следует заметить, что прямое отождествление метафизического способа мышления и здравого смысла не всегда можно считать оправданным. Живой здравый смысл Кола Брюньона из одноименного романа Р. Роллана имеет мало общего с сухим формализмом мышления буквоеда и педанта. Здравый смысл — это прежде всего форма конкретно-жизненного, практического мышления, а жизнь и практика всегда вносят свои поправки если не в способ словесного рассуждения, то по крайней мере в характер поступка. На это обычно обращают недостаточно внимания. Однако вряд ли можно отрицать способность здравого смысла к развитию, ведь он весьма различен даже у одного и того же человека в юные годы и в зрелом возрасте. Более того, развитие здравого смысла может идти и по пути углубления диалектического понимания действительности, когда в результате длительного, выношенного опыта человек в зрелом возрасте постигает всю глубину правил народной мудрости, согласно которым «крайности сходятся» и «будущее чревато противоположностью».

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРА

Что есть ум?

Архитектоника интеллекта

Мышление и дело

Что есть ум?

В языке любого народа зафиксировано тонкое различие степени выраженности культуры мышления: ум и разум («ум без разума — беда»); мудро мыслить и мудрствовать, мудрить («зашел ум за разум»); умно высказываться и умствовать, умничать; быть остроумным, хитроумным («хитроумный Одиссей») или тупоумным (о грубом, неповоротливом мышлении) и т. д. Более того, иногда говорят: «Сколько голов, столько умов». Если попытаться обобщить все ходячие представления об «уме», о «разуме», о «мудрости», то можно убедиться, что вывести какое-либо однозначное

определение из этих характеристик человеческого мышления практически невозможно. Понятие мудрости постоянно менялось в истории; то, что считалось мудростью в одном столетии, отвергалось в другом. Можно ли поэтому дать общее представление о том, что такое «ум», «интеллект»?

Быть умным и представлять себя умным, казаться в глазах людей таковым — не одно и то же. Эта разница интуитивно чувствуется если не по отношению к себе, то по крайней мере в отношении других лиц. Практически оценка степени развитости человека в интеллектуальном отношении производится часто и нередко почти безошибочно. Но объяснить, каким образом это происходит, оказывается не так-то просто.

Рассказывают, что однажды древнегреческий философ Демокрит, встретив юношу-носильщика, проворно несущего на себе необычайно искусно повязанную охапку поленьев, пришел в восхищение от остроумия и ловкости этого молодого человека, привел его к себе, назначил ему содержание и обучил философии. Этим юношей был ставший впоследствии широко популярным в Афинах и во всей Элладе первый платный учитель мудрости и красноречия софист Протагор. Демокрит считал, что умного человека можно распознать не по его представлению о себе самом, а по характеру его деятельности: умению правильно принимать решения, говорить безошибочно и действовать, как должно.

В нашем веке было предложено множество тестов, программ, приемов «испытания на ум». Одно время тестология, занимавшаяся определением интеллектуального уровня человека с помощью количественных методов, рассматривалась многими учеными чуть ли не как единственное строго научное направление в психологии. Конечно, если существует такое реальное явление, как интеллект, то его следует изучать, прибегая в том числе и к измерениям. Другое дело, что это дает

и что же в конце концов измеряется: «ум», «эрудиция», «скорость психических процессов» или что-то еще?

Некритическое отношение к результатам тестологии может породить опасные тенденции, способствующие разжиганию вражды и расовой неприязни между людьми. В так называемом «коэффициенте интеллектуальности» IQ («Ай Кью») подчас видят некий показатель уровня развития интеллекта, якобы генетически наследуемый индивидом, народом, расой. Псевдонаучные статьи на эту тему время от времени появляются в популярных и «солидных» изданиях на Западе. Бесспорно, это реальный отзвук колониалистского мышления, насаждаемого определенными кругами в развитых капиталистических странах. Ссылки на интеллектуальную «неполноценность» того или иного народа, той или иной расы помогают беззастенчиво их грабить, использовать как дешевую рабочую силу, лишать элементарных гражданских прав и т. д.

Результаты использования тестологии в буржуазных странах показывают, в частности, что градация интеллектов производится по каким угодно основаниям, лишь бы она отвечала интересам эксплуатации человека человеком и придавала ей «научное» обоснование. В Англии до сих пор школьники в возрасте 11 лет сдают экзамен, в зависимости от результатов которого их направляют либо в перворазрядные, либо во второразрядные школы. Социальный подтекст этой процедуры вполне понятен. Вся эта система отбора по способностям, отмечает журналист Всеволод Овчинников, носит классовый характер. «Ибо у выходцев из трудовых семей куда меньше предпосылок выдержать экзамен... чем у тех, кто имеет состоятельных родителей, возвращающихся в более образованной среде, имеет благоприятные условия для занятий, домашних репетиторов и т. д.» Подсчитано, что в 11 лет сын английского служащего имеет в 9 раз больше шансов поступить в бес-

платную перворазрядную школу, чем сын рабочего, а в 16 лет — в 30 раз больше шансов продолжить образование в вузе.

Наряду с признанием наследственности главным фактором, определяющим уровень развития интеллекта, существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой в интеллекте нет ничего обусловленного генетически, что это в конечном итоге только сумма приемов, навыков, переведенных из внешнего плана деятельности человека вовнутрь. При таком подходе получается, что все равно, куда этот «интеллект» вносится: в мозг человека или в электронно-вычислительную машину. Однако мы вправе утверждать, что интеллект имеет только один естественный способ своего бытия — человеческую психику, порожденную действием тончайших и сверхсложных нейрофизиологических механизмов, выработанных в ходе эволюции и социальной истории человеческого рода. Для самого интеллекта весьма существенно состояние мозга. Чтобы мыслить здраво, необходимо как минимум иметь неповрежденный мозг, но культура мысли подразумевает высшую степень развития всех функций мыслительного аппарата. Ни о каком биологическом наследовании интеллекта не может быть и речи. Наследуется не сам интеллект, а нервная система, которая определяет индивидуальные возможности развития личности. Однако насколько эти возможности будут реализованы, зависит от тех условий, в которых развивается человек, и от него самого.

Природные ресурсы человеческого мозга огромны. Иногда даже говорят, что они «избыточны». Это значит, что еще никому не удавалось до конца их исчерпать. И вряд ли этого удастся добиться в обозримом будущем. Поэтому рассуждать о расах с «сильным» и «слабым» интеллектом могут только расисты, а не ученые.

Нетрудно заметить, что все спекуляции о врожденности способностей интеллекта строятся на представлении о нем как о чем-то постоянном, неизменном, всегда равном себе. Столетием ранее были популярны подобные представления в отношении психики в целом. «Душа» (или «дух») рассматривалась как единая и неизменная нематериальная субстанция (первооснова), которая якобы вливалась (конечно, не без помощи сверхъестественной силы) в тело человека с появлением его на свет и покидала его по завершении им жизненного цикла. И хотя сейчас люди больше верят врачам — невропатологам и психиатрам, чем религиозным басням, подобные представления еще до сих пор не изжиты.

Интеллект является относительно самостоятельным образованием, не имеющим жестко фиксированной структуры, как бы ни хотелось некоторым исследователям расчленить его и измерить. Интеллект — это динамически подвижная структура высших психических функций, образующих идеальную основу всей жизнедеятельности человека. Поэтому для определения степени умственной развитости необходимо рассматривать всего человека во всем объеме его жизнедеятельности.

Не имея полного представления о жизнедеятельности человека, чрезвычайно трудно дать точную характеристику его способностей, а такие безапелляционные утверждения делаются на каждом шагу. При этом забывают, что результаты лабораторного анализа и мнение окружающих нередко имеют для испытуемого силу приговора. В одном случае это ведет к развитию тщеславия, самодовольства, в другом — к ослаблению духа: «Все равно из меня ничего не получится!» А такие заявления, как «толку из него не выйдет», «неспособен», могут не только затормозить, но и вообще отбить охоту к теоретическому мышлению. Не исклю-

чено, что в результате такой «педагогике ума» могут возникать и дефекты органического порядка, образующие действительный барьер на пути к развитию мышления.

Можно выделить сколько угодно «факторов» интеллекта, но дело ведь не только в них самих, а и в том, как они проявляются, как «работают» в конкретной ситуации. Всем известно, что человек, выказавший «ум» не к месту, может оказаться в очень глупом положении. По этому поводу французский философ Р. Декарт замечал, что «мало иметь хороший ум, главное — хорошо его применять». «Учитывая, что уже известно около 50 факторов интеллекта, — пишет американский психолог Дж. Гилфорд, — мы можем сказать, что имеется 50 способов быть умным. Но, к сожалению, можно шутливо предположить, что имеется значительно больше способов быть глупым». В этом большая доля истины. Достаточно припомнить образы человеческой глупости, представленные в «Корабле дураков» Себастиана Бранта, «Похвале глупости» Эразма Роттердамского, «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Человеческий интеллект отличается удивительной пластичностью, гибкостью, универсальностью, высочайшей степенью свободы. Аристотель сравнивал душу человека с воском, способным воспринять форму тела, и с рукой. Если рука есть орудие орудий, то ум — это форма форм. Аналогия очень меткая. Рука человека, в отличие от передних конечностей наиболее высокоорганизованных животных — обезьян, обладает неизмеримо большим количеством степеней свободы, так как может строить свои движения по форме любого тела. В этом смысле деятельность руки можно рассматривать как исходный пункт человеческого познания. Сумма движений руки составляет как бы двигательный образ предмета, образ, который фиксируется с помощью механизма памяти и с определенного момента начинает

собственную идеальную жизнь. Принцип древней философии «подобное познается подобным» обретает свой реальный смысл в том контексте, что познание начинается как бы с уподобления себя самому предмету познания. Это уподобление происходит не так, как считали древние натурфилософы («воду познаем водой, землю — землей» и т. д.), а принципиально иначе. Через деятельность руки и всех органов чувств человека создается чувственно-конкретный «снимок» предмета, который специфическим образом проецируется в его уме.

Сфера, в которой разворачивается ум поэта, математика, инженера, политика, философа, танцора, — это образы, символы, схемы, понятия, законы, причем это далеко не полный арсенал тех средств, с помощью которых человек постигает мир в различных его измерениях и проекциях. Обычно выделяют четыре основные разновидности ума: концептуальный (ум логика и математика), художественный (ум поэта и художника), социальный (ум политика) и производственный, или технологический (ум рабочего и инженера). Но этим не исчерпывается разнообразие типов интеллекта. Каждая профессия и специальность требует особого подхода к своему содержанию и, следовательно, воспитания особого «ума», точнее — специфического склада мышления, наиболее приспособленного к решению той или иной задачи.

Так, условия военной деятельности предъявляют особые требования к уму полководца. Специфика заключается здесь прежде всего в том исходном материале, который ему предстоит осмыслить, чтобы выработать целесообразный план действий. Материал этот не только сложен и разнороден — он включает сведения из области экономики, политики, географии, технические и военные данные, — но и бывает крайне запутан, обычно неполон и чрезвычайно текуч. Здесь тре-

буется исключительная быстрота всестороннего и полного анализа исходного материала, умение предвидеть ход событий и строить соответствующий план действий, а при непредвиденном повороте событий оперативно изменять его, вносить в него коррективы. Это предполагает умение проникать в намерения и замыслы противника, становиться на его точку зрения, чтобы предвидеть его конкретные шаги в обозримом будущем. Принятый план должен отличаться четкой целенаправленностью, простотой, ясностью и конкретностью, а сам полководец обладать смелостью, мужеством, решительностью ума, способностью к риску и в то же время известной осторожностью, исключающей опрометчивые поступки, проявлять исключительную гибкость в планировании операций и вместе с тем твердость в проведении их в жизнь.

Конечно, ни один тип ума не существует в чистом виде. Речь, видимо, должна идти только о различных степенях развитости каких-либо отдельных сторон интеллектуальной деятельности. Невыраженность того или иного типа ума у человека — это еще не препятствие к его развитию. Хорошо известно, что человек, «не способный», например, к математике, может достичь больших успехов в искусстве, общественной деятельности и т. д. Недаром говорят, что «неталантливых людей нет, есть только люди, не нашедшие своего дела». В этом глубокая жизненная правда.

«Одно из самых обычных и распространенных суеверий, — отмечал Л. Н. Толстой, — то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бывают такими. Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще энергичен, чем апатичен, и наоборот; но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он добрый или ум-

ный, а про другого, что он злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно. Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою».

В истории познания обнаруживается бесконечное многообразие подходов к действительности, которые нашли отображение в различных способах мышления (типах ума). Ход мышления у жреца и натурфилософа, алхимика и химика, схоласта-богослова и ученого, у врача и инженера, теоретика и экспериментатора идет по-разному. Отсюда следуют два вывода.

Во-первых, способ мышления (ум) всегда историчен: он порождается в особых исторических условиях, связан с изменениями в производстве, в социальной жизни, в области науки и культуры и т. д. и не исчезает до тех пор, пока не исчерпает всех своих возможностей.

Во-вторых, специфика способа мышления определяется предметом познания и той задачей, которую ставит перед собой исследователь. Так, в средние века люди испытывали большую нужду в золоте и серебре как носителях денежных знаков. Объем торговых операций неуклонно возрастал, тогда как известные месторождения драгоценных металлов постепенно исчерпывались, а до «золотых» и «серебряных» экспедиций испанцев в Вест-Индию было еще далеко. Все это явилось той объективной основой, на которой пышно произросла алхимия Средневековья. Поиски способов получения «философского камня» — универсального средства превращения неблагородных металлов в золото и серебро — выглядели вполне уместными в усло-

виях, когда не было никакого реального выхода к источникам пополнения их запасов. Эти поиски требовали именно «алхимического» способа мышления, сочетавшего химическую технологию со священнодействием, таинством и неистребимой верой в успех задуманного предприятия.

В современной психологии можно найти несколько десятков определений интеллекта, которые, скорее, не исключают, а как бы дополняют друг друга. Например, интеллект определяется как «способность правильно отвечать на известного рода задачи»; «способность эффективно действовать в данных условиях»; «умение приобретать способности, приводящие к ожидаемым нами результатам»; «сила абстрактного мышления»; «способность извлекать пользу из опыта»; «способность к обучению»; «способность к адаптации (приспособлению) к окружающей среде» и т. д.

С точки зрения его ведущей стороны интеллект вкратце можно было бы определить как способность личности *ставить вопросы и давать на них ответы*. В этом принципиальная особенность мышления человека, которое протекает не в форме монолога, а в форме диалога, где оба действующих персонажа (вопрошающий и отвечающий) воплощены в одном лице. Ум проявляется в его открытости новому, в стремлении к обнаружению и постижению неизвестного и неожиданного, т. е. всего того, что не укладывается в рамки известных представлений и понятий и не вытекает из них. Открытие нового почти всегда сопровождается эмоциональным потрясением — *удивлением*. Это своего рода интеллектуальный шок, который, однако, несет на себе печать сильного чувства, порожденного новым интеллектуальным впечатлением. Начало всякого мыслительного акта — в удивлении, порождаемом проблемной, непосредственно неразрешимой ситуацией, которую предстоит преодолеть.

Прообразом и моделью интеллектуальной деятельности может служить процесс решения элементарной арифметической задачи. Как известно, он начинается с анализа условий, в которых содержатся исходные данные и формулируется вопрос, требующий определенного ответа. Вопрос придает целенаправленность всему ходу рассуждений: в соответствии с ним выявляются существенные данные, содержащиеся в условиях, и создается некоторая общая схема решения. Далее отыскиваются операции, необходимые для осуществления найденной схемы. Наконец, полученные результаты и использованные операции сопоставляются с исходными условиями задачи. Если обнаруживается их несоответствие, деятельность возобновляется и продолжается до тех пор, пока не будет найдено их приемлемое соответствие.

Процесс решения задачи обеспечивается рядом логических операций. Здесь используются: *анализ* (расчленение задачи на составные части: исходные условия и цель, которой требуется достичь); *синтез* (представление задачи в целом); *абстрагирование* (выделение существенных данных и отвлечение от несущественных); *обобщение* (подведение конкретной ситуации, описанной в задаче, под некоторую общую схему решения); *сравнение* (сопоставление использованных операций и полученных результатов с исходными условиями).

Показателем понимания того или иного материала служит не просто информированность о нем (то, что известно, не означает того, что оно познано, замечал Гегель), а *умение* обращаться с ним, опираясь на ряд интеллектуальных действий. Сами по себе умения характеризуют способность использовать имеющиеся сведения для достижения поставленных целей и представляют собой систему умственных и физических навыков и привычек, вырабатываемых только практическим

путем. Как отмечают многие специалисты, основной недостаток современной системы школьного образования состоит в том, что за время обучения ученик становится более информированным, чем умелым.

В частности, пока еще нет достаточно отработанной методики научения умственным действиям. Сами по себе умственные действия с большим трудом поддаются сознательному вычленению. Мыслить о мышлении, т. е. отдавать себе отчет о самом процессе мышления, невероятно трудно, ибо при этом человек имеет дело с чем-то зыбким, почти неуловимым, бесплотным, хотя в то же время удивительно знакомым. Хорошо известна притча о сороконожке, которую попросили рассказать о том, как она передвигается, в каком порядке переставляет такое громадное количество ног. Задумавшись над этим, сороконожка не смогла больше двигаться. Практически передвигаться — одно дело; осознать это, выразить в словах — совсем другое. Поэтому учащимся приходится, как и прежде, осваивать умственные действия путем подражания, а педагогам — использовать при обучении принцип «делай, как я».

Более тридцати лет назад в связи с появлением кибернетики был поставлен знаменитый вопрос: «Может ли машина мыслить?», вокруг которого развернулась острая дискуссия, продолжающаяся с переменным успехом вплоть до настоящего времени. Сама возможность понимания электронно-вычислительных машин (ЭВМ) как «мыслящих» устройств вытекала в конечном счете из очень простой идеи, что мышление человека можно свести без остатка к тем логическим операциям, которые он совершает в своем уме. Появление вычислительных устройств, безошибочно и с громадной скоростью совершающих сложнейшие логические операции, привело многих теоретиков к выводу, что кибернетика вплотную подошла к созданию «думающих» машин. В скором времени и не без содействия писате-

лей-фантастов ученые, работающие в области создания «искусственного интеллекта», предстали в общественном мнении как люди, подготовляющие замену человеческой цивилизации «цивилизацией электронных роботов».

Сам по себе беспрецедентный опыт передачи некоторых интеллектуальных функций человека машине — одна из замечательных особенностей нашей эпохи, которую иногда называют началом «эры кибернетики». Ныне ЭВМ помогают человеку управлять производством, содействуют разрешению научных проблем, привлекаются к переводу текстов с одного языка на другой, сочиняют «стихи» и даже играют в шахматы на хорошем «любительском» уровне.

Трудно предугадать, что еще сможет передать человек в ведение машины, и какие-либо заблаговременные запреты на эту деятельность вряд ли выглядят сейчас уместными. «В средние века для того, чтобы научиться арифметической операции деления, нужно было окончить университет, да еще далеко не всякий, — пишет член-корреспондент АН СССР Г. С. Поспелов. — Только университеты в Италии могли научить этой премудрости. Пользовались тогда римскими цифрами, и проблеме деления больших чисел можно было посвятить всю жизнь. Дело резко изменилось с введением арабских цифр, а также введением понятия и обозначения нуля. Теперь алгоритм деления легко осваивается в начальной школе». А ныне в связи с успехами электронной промышленности уже ставится вопрос о снабжении компьютерами школьников. Но не станут ли они «иждивенцами электроники»? Не сузит ли это творческое развитие детей? Не станет ли праздником для лентяев (не надо учить таблицу умножения)? Конечно нет. Правильно указывают специалисты, что школьный калькулятор ничего не решает, он только считает. И хотя с цифрами он управится быстрее, точ-

нее, логика решения задач всегда остается за человеком. В настоящее время компьютер выступает в новой для себя роли ускорителя процесса образования. Колоссальное количество времени, затрачиваемое учащимися на вычисления при решении задач, может быть использовано ими более продуктивно.

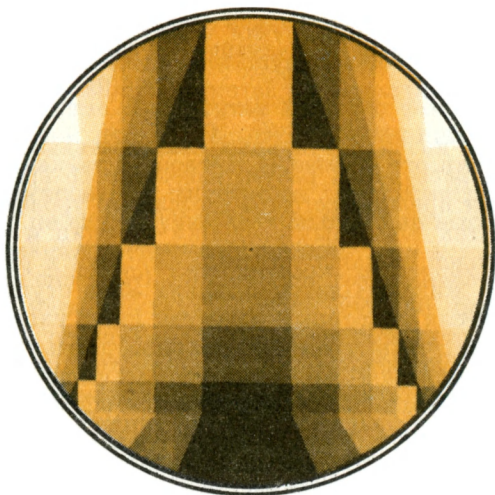
Один из первых западных критиков «искусственного разума», американский философ Х. Дрейфус, высказал опасение, что если мнение о вычислительных машинах как «мыслящих» устройствах окажется преобладающим, то люди станут представлять себя цифровыми устройствами и вполне возможно, что человек постепенно начнет приобретать сходство с машиной. «Нам грозит не пришествие сверхразумных... машин, — предостерегает Х. Дрейфус, — а появление неполноценно мыслящих человеческих существ».

Мы полагаем, однако, что, несмотря на успехи кибернетики, проблема культуры мышления себя не изживет. Большинство ученых, работающих в области «искусственного интеллекта», уже не считают компьютеры «мыслящими» машинами. Это отнюдь не принижает значения кибернетики как науки, оказывающей плодотворное содействие развитию современной культуры мышления. Несомненно, что в «содружестве» с электронной машиной человек мыслит лучше, чем тогда, когда он использует лишь примитивные орудия механизации умственного труда. В наше время ускоренными темпами создается могучий арсенал интеллектуальных орудий человечества и открываются горизонты новой культуры мышления, многократно усиленной интеллектуальной технологией «электронного века».

Чем же все-таки объяснить корни живучести на Западе страха перед «эрой роботов»? Дело, видимо, не в досужих вымыслах фантастов. «Разве буржуа, фабриканту, — писал К. Маркс, — есть дело до того, чтобы рабочий развивал все свои способности, проявлял в

действии свои производительные потенции, приводил в действие самого себя по-человечески и поэтому вместе с тем развивал в своей деятельности человеческие качества?.. Буржуа видит в пролетарии не *человека*, а *силу*, способную создавать богатства, такую силу, которую он к тому же еще может сравнивать с другими производительными силами — с животным, с машиной, — и, если такое сравнение окажется не в пользу человека, то сила, носителем которой является человек, будет вынуждена уступить свое место силе, носителем которой является животное или машина...»¹ Так было в древние века и в средневековье, когда стоимость тяглового скота была нередко выше стоимости раба или крепостного крестьянина; так обстоит дело в капиталистическом мире и сейчас, когда механизация и автоматизация процессов производства, неизбежно вытесняя «живую» силу из сферы производства, фактически лишают пролетарские массы права на человеческое существование ввиду их «непроизводительности» по сравнению с теми или иными техническими устройствами. Таким образом, миф об «эре электронных роботов» — это своеобразное отражение реальной действительности капиталистического общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 249—250.

Архитектоника интеллекта

Трудности воспитания мышления во многом вытекают из сложности самого этого процесса. Идея развития мышления уже давно проникла в психологию и педагогику. «...Естественный прогресс человеческого познания,— отмечал немецкий философ Кант,— состоит в том, что сначала развивается рассудок — на основе опыта он доходит до ясных суждений и через их посредство до понятий,— затем эти понятия познаются разумом в соотношении с их основаниями и следствиями и, наконец, систематизируются наукой. Поэтому и наставление [юношества] должно идти по тому же са-

мому пути. От преподавателя, стало быть, следует ожидать, чтобы он своего слушателя сделал сначала человеком *рассудительным*, затем *разумным* и, наконец, *ученым*».

Деление интеллектуальных познавательных способностей на рассудок и разум, известное со времен Платона, имеет прежде всего тот смысл, что уровень осмысленности тех или иных сведений не один и тот же у разных людей, и даже у одного человека в разные периоды его жизни. Платон выделял пять ступеней знания. Так, если некоторым известно лишь слово «круг», то другие могут дать его определение, третьи — изобразить его в телесной форме, четвертые имеют понятие о круге, несводимое к его наглядному образу, и только пятые овладевают идеей круга и постигают подлинное его бытие. Николай Кузанский замечал, что уметь читать книгу и понимать ее — разные вещи. Декарт и Спиноза видели пути «усовершенствования разума» в переходе от рассудка к разуму путем увеличения «естественного света» разума.

В наше время математик и педагог Д. Пойа на основе анализа соответствующих представлений Спинозы выделил пять уровней (стадий) математического знания, которые в принципе могут быть отнесены к любому знанию:

1. Механическое усвоение: учащийся выучивает правило наизусть, приняв его на веру, но не в состоянии правильно применять его на практике.

2. Индуктивное понимание: учащийся опробовал правило в простейших частных случаях, где, как он убедился, оно всегда дает верный результат.

3. Осмысленное понимание: учащийся понял доказательство правила.

4. Внутреннее понимание: учащийся полностью усвоил правило и настолько уверен в нем, что совершенно не сомневается в его правильности.

5. Полное понимание: стадия хорошо закрепленного, увязанного, сцементированного — словом, хорошо организованного знания.

В этой схеме содержится мысль о том, что наряду с повышением степени осмысления знаний возрастает интеллектуальный уровень. Известно, что именно такой путь формирования мышления предусматривается в школе, но не всегда учащиеся доходят до высших уровней понимания предмета познания.

Особая опасность заключается в остановке учащихся на самой первой стадии, столь чуждой подвижному мышлению ребенка, — стадии механического запоминания, достигаемого чаще всего «зубрежкой» и «затверживанием» наизусть. Опасность состоит в том, что механически заученное знание не только остается втуне, но и как бы парализует деятельное воображение ребенка, подавляет силу его природного, «нешкольного» мышления. Коварность «механического» запоминания, отмечал советский психолог П. П. Блонский, состоит в том, что «просто заучить» наизусть для неразвитого маленького школьника легче, чем «только смысловое воспроизведение», и в этом причина предпочтения зубрежки. Поэтому столь велико значение вдумчивого отношения педагога-воспитателя к умственному развитию детей в начальных классах, когда они чаще всего сбиваются на легкий способ «овладения» материалом. Необходимо, чтобы воспитание мышления ребенка было поставлено под контроль как можно раньше, пока начавшийся процесс «окостенения» мышления не принял необратимый характер.

Если взглянуть на указанную схему уровней знания несколько с другой стороны, ее можно представить как иерархию интеллектуальных способностей. Уже Кант выделял в мышлении три способности: во-первых, способность познания общего (установление или усвоение правил) — *рассудок*; во-вторых, способность под-

ведения особенного под общее (т. е. подведения частных случаев под общее правило) — *способность суждения*; в-третьих, способность определения особенного через общее (т. е. способность выведения принципов) — *разум*. Кант продемонстрировал характер каждой способности следующим примером. Слуге, выполняющему определенное поручение, для достижения цели достаточно проявить силу своего рассудка. Офицер, которому предписано лишь общее правило, сам решает, как ему поступать в том или ином случае, и должен проявить силу своей способности суждения. Генерал, которому предстоит рассмотреть всевозможные случаи и сформулировать для них общее правило, должен обладать разумом.

То значение, которое придавал Кант способности «различать, подчинено ли нечто данному правилу или нет», т. е. способности суждения, видно из того, что ее отсутствие он считал глупостью. Любой человек, обладающий твердым рассудком и памятью, может запомнить много прекрасных и превосходных правил и даже научить им других, но тем не менее часто обнаруживается, что он им не следует, а если и пытается придерживаться их, то впадает в ошибки. Каждому известно, что знакомство с теми или иными правилами (принципами, законами) отнюдь не гарантирует от ошибок при их применении к конкретному случаю. Как видим, дело вовсе не в знакомстве с правилами и не просто в желании применять их в жизни — это только предварительное условие жизненно-практической ориентации, а в приобретении умения строить свои действия в соответствии с ними. А это уже сфера способности суждения. Человек, обладающий только рассудком, может, постоянно обучаясь, достигнуть большой учености и иметь обширные сведения о своем предмете, но в конечном итоге все же не понимать его, так как признаком полного овладения содержанием предмета является

способность умелого использования накопленных сведений как для развития пауки, так и в обыденной жизни.

Таким образом, отсутствие способности суждения может быть уделом не только заурядных «набитых дураков», но и весьма «ученых» мужей-педантов. «...Что за польза мне от субъекта, знающего всю математическую литературу, но не понимающего математики?» — писал К. Маркс и, характеризуя такого педанта, отмечал: «Его существенной особенностью является то, что он не понимает самих *вопросов*, и потому его эклектизм сводится в сущности лишь к натаскиванию отовсюду уже готовых *ответов*; но и здесь он не честен, а всегда считается с предрассудками и интересами тех, кто ему платит!»¹.

Кант считал, что если естественный рассудок у человека может быть с помощью обучения обогащен множеством понятий и снабжен различными правилами, то способность суждения — это особый прирожденный дар, который требует только упражнения, но которому нельзя научиться. «Вот почему,— подчеркивал Кант,— способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их».

Для педагогики, господствовавшей во времена Канта, процесс обучения полностью исчерпывался сообщением правил (принципов, законов). Это и послужило

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 518.

ему основанием для отрицания возможности обучить способности суждения и настаивания на ее прирожденном характере. Чтобы обучить, полагал Кант, надо разработать и сообщить ученикам соответствующие правила, но число таких правил может бесконечно возрасть в каждом конкретном случае и тот, кто положился бы только на особые правила применения способности суждения, не смог бы сделать ни одного шага в жизни.

В самом общем виде способность суждения представляет собой развитую склонность человека к размышлению (рефлексию) над частными фактами с точки зрения общих правил (принципов, законов). В том случае, когда процесс размышления протекает достаточно быстро и замечен только окончательный результат, способность суждения (способность судить о вещах, высказывать о них свое мнение и т. д.) часто называют чувством (иногда «чутьем») — чувством истины, чувством приличия, чувством справедливости и т. д.

Но вопреки утверждениям Канта способность суждения является «прирожденной» в той же степени, что и способность мышления в целом.

Объективной основой формирования и развития у человека способности суждения является реальная практическая и теоретическая деятельность, которая подчинена определенным законам (природы, общества, мышления), предписывающим ей тот или иной способ или характер в каждом конкретном случае. Человек от рождения вовлекается в систему предписаний (правил, норм, законов), установленных обществом, и подлинной школой развития естественной способности суждения во все времена являлось овладение общими принципами производственной деятельности, нормами социальной жизни. Эту же функцию в известной мере выполняли народная мудрость (меткое слово, сказанное

к месту) и многообразные игры (определенные действия с «заданными» правилами)¹.

Неумение некоторых школьников рассуждать с использованием выученных положений свидетельствует о несформированности способности суждения, отсутствие которой, как уже отмечалось,— верный признак глупости. Однако глупость в данном случае — не просто отсутствие ума, а его неразвитость.

Признавая всю сложность стоящей перед школой задачи воспитания мыслящих молодых людей, следует заметить, что школа еще до сих пор не может полностью реализовать богатейшие ресурсы и потенциалы естественного, «неформального» мышления ребенка — его понятливость, сообразительность, смысленность (немеркнувший образ — Том Сойер) — и направить их на усвоение необходимых знаний, на овладение мощным инструментом логического анализа, предлагаемого в процессе обучения. Ребенка нужно еще убедить в том, что знания, которые он получает в школе, полезны и необходимы, что навыки рассуждения, приобретаемые им при изучении специальных дисциплин, могут быть использованы и во многих других случаях жизни. Единственный способ заставить его в это поверить — научить применять получаемые знания и навыки в повседневной жизни. Только на этом пути возможно преодоление противоречий между двумя способами мышления — «в школе» и «дома», «школьного рационализма» и «здорового смысла» — не за счет подавления одного из них, а за счет взаимной мобилизации всех духовных ресурсов.

¹ «Игрок узнает правила и ежеминутно применяет их с помощью способности суждения,— писал Гегель.— Поэтому-то люди, обладающие глубоким умом и блестящим воображением, часто оказываются плохими игроками — и не просто потому, что игра их не интересует, а потому, что их способность суждения не столь натренирована в применении правил в повседневной жизни».

В свое время Кант выдвинул ряд максим (основных правил, принципов), которые, по его мнению, ведут человека к мудрости: 1) иметь собственное суждение (думать самому); 2) мыслить себя (в общении с людьми) на месте любого другого; 3) всегда мыслить в согласии с самим собой. Первое положение — максима свободного от предрассудков, вторая — широкого и третья — последовательного образа мыслей.

Первая максима исходит из того, что человеческий ум не должен быть пассивным, принимающим все на веру без критического анализа.

Вторая максима указывает, что надо мысленно принимать во внимание способ представления каждого другого, «дабы собственное суждение *как бы* считалось с совокупным человеческим разумом...».

Уметь становиться на точку зрения другого — качество величайшей ценности, благодаря которому приобретает широта образа мыслей.

К. Маркс писал: «Мелочная, деревянная, пошлая, эгоистичная душа интереса видит перед собой только то, в чем она чувствует себя уязвленной; так, грубый, невоспитанный человек готов считать того или иного прохожего самой скверной и самой пизкой тварью на земле только потому, что тот наступил ему на мозоль. Свои мозоли он делает мерилom оценки человеческих действий... Но ведь человек может наступить мне на мозоль, не переставая от этого быть честным, более того — превосходным человеком»¹. «Узкий» образ мыслей — это опасность оказаться на такой позиции («кочке зрения», по меткому выражению М. Горького), с которой видны только собственные мозоли.

В одном из рассказов Эдгара По говорится о мальчике, чья способность верно угадывать в игре «чет и нечет» снискала ему всеобщее восхищение. В этой игре

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 132.

один из участников зажимает в кулаке несколько камешков и спрашивает у другого, какое количество их он держит — четное или нечетное. Если второй угадывает, то выигрывает камешек, если нет, то проигрывает. «Удачливость» мальчика, обыгравшего всех своих соперников, состояла не просто в «везении», как думали его товарищи, а в умении становиться на точку зрения противника. Он внимательно следил за противником и определял степень его хитрости. Например, заведомо простодушный соперник поднимает кулак и спрашивает: «Чет или нечет?» Наш мальчик отвечает «нечет» и проигрывает. Однако в следующей попытке он выигрывает, так как рассуждает следующим образом: он «взял в прошлый раз четное количество камешков и, конечно, думает, что отлично схитрит, если теперь возьмет нечетное количество. Поэтому я опять скажу — «нечет!». Он говорит «нечет!» и выигрывает. С противником чуть поумнее он рассуждает так: «Этот мальчик заметил, что я сейчас сказал «нечет», и теперь он сначала захочет изменить четное число камешков на нечетное, но тут же спохватится, что это слишком просто, и оставит их количество прежним. Поэтому я скажу — «чет!». Он говорит «чет!» и выигрывает». Сообразительность мальчика проявилась в том, что он умел отождествить свой интеллект с интеллектом противника.

Такая способность нужна не только шахматисту, политику, полководцу, чтобы угадать намерения противника и предвидеть ход развития событий, но и ученому, занятому сугубо теоретической деятельностью. Пластичность мышления подразумевает, с одной стороны, «светскость» культурного человека, которая, как отмечал Гегель, состоит в том, что «при всей энергии высказывания светский человек всегда признает, что другой есть также мыслящая личность, и вообще понимает, что не надо говорить с видом оракула и не давать другому открывать рта», а с другой — способность видеть

достоинства или недостатки той или иной точки зрения «изнутри». Гегель замечал по этому поводу: «Мы очень облегчаем себе задачу, если говорим: «Другая система не истинна, потому что она не согласуется с моей». Ведь другая система имеет право сказать то же самое. Нисколько не улучшает дела то обстоятельство, что я доказываю свою систему или свое положение и затем умозакключаю: следовательно, противоположное ложно; этому противоположному положению первое все же представляется чем-то чуждым, внешним. Неистинность ложного положения должна быть доказана не другим положением, не на том основании, что противоположное положение истинно, а *в нем самом...*».

Третья максима мышления наиболее трудно достижима. Последовательность образа мыслей предполагает умение широко и самостоятельно мыслить не от случая к случаю, а постоянно. По Канту, все три максимы в зародыше присущи здравому смыслу, но их можно сделать незыблемыми законами: первая — максима рассудка, вторая — способности суждения, третья — разума.

Наконец, высшая степень развития интеллекта иногда характеризуется как мудрость. Под мудростью в разные времена понимались самые разнообразные качества: способность к прорицанию; соблюдение меры в поведении; стремление к истине; умение видеть то, что другим видеть не дано; осознание собственных заблуждений; признание ограниченности собственных знаний («я знаю, что ничего не знаю»); умение доказывать все что угодно ради достижения собственных целей; «чистое» теоретическое знание; правильный образ жизни; догматическая вера; высшая ступень познания; познание всеобщей необходимости и действие в согласии с нею и т. п.

Исторически зафиксированная многозначность понятия «мудрость» порождает иногда, к сожалению, неоправданные попытки исключения его из современного

лексикона. В наше время это понятие наполнилось новым содержанием. В толковом словаре русского языка «мудрость» определяется как «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт». В этом определении четко зафиксировано отличие «мудрости» от «рассудка» и «разума». «...Мудрость,— отмечает член-корреспондент АН СССР Т. И. Ойзерман,— может быть понята как обобщение многообразного знания и опыта человечества, обобщение, формулируемое в качестве принципов познания, оценки, поведения, действия». Она возникает в сфере пересечения и совпадения теоретического и практического разума человечества, являющегося выводом из всей истории использования науки, техники и философии на благо людей. Мудрость — это разум, осознающий свою ответственность за судьбу общества.

Мышление и дело

В молодые годы редко кто не испытывает стремления к прекрасным и возвышенным целям. Мечты, фантазия — прежде всего достояние молодости, свидетельство становления личности. В эту пору с помощью мечты, фантазии осваивается решительно все, ибо молодой человек от школы переходит к жизни и напряженно стремится разобраться в окружающем его мире и в себе самом, в подлинных своих влечениях и идеалах. Наполненные эмоциональным переживанием, хотя еще и не подкрепленные жизненным опытом, мечтания, фантазии — первый шаг на пути к самостоятельному, крити-

ческому мышлению. Здесь молодого человека подстерегает и ряд серьезных опасностей. Это и цинизм, и стремление переоценить все ценности, показать себя самостоятельным во что бы то ни стало, даже путем «выворачивания наизнанку» любых норм и правил и подражания случайным и подчас не самым лучшим образцам. Сберечь целостность фантазии не просто. Проще превратиться либо в пустого мечтателя, либо в трезвого обывателя, подсмеивающегося над «розовыми мечтами юности».

Английский писатель Джеймс Олдридж в одной из своих статей рассказал историю некой мисс Смит, которая впервые посетила читальный зал Британского музея около сорока лет назад. Тогда это было прелестное восемнадцатилетнее существо, переполненное желанием все узнать. Она провела прекрасную неделю среди книжных гор, окружавших ее в этом великом соборе человеческой мудрости. Но прошло время, она поняла непосильность задачи, которую поставила перед собою, — овладеть всем человеческим знанием, ужаснулась и отступила. И с той поры она, кажется, не прочла ни одной книжки. Проблема мисс Смит, указывает писатель, — проблема всей молодежи. Это конфликт реальности и мечты. Конфликт желаемого и невозможного... Но всегда, когда молодые люди отступают перед невозможным, отказываются от своей мечты из-за того, что она слишком грандиозна, эти люди умирают, оставаясь живыми, как сорок лет назад умерла мисс Смит.

Можно с уверенностью утверждать, что воспитание культуры мышления означает также и сохранение «особых качеств» молодости, ее задора и полета мысли.

Однажды Горький высказал Ленину сожаление о том, что он много времени потратил впустую, читая «глупую» литературу и оставив непрочитанными «ум-

нейшие статьи Ильича, друга, учителя...». Ленин в ответ засмеялся и ответил:

«— А — я? Гегеля не успел проработать как следует. Да — что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать. Я вовсе не оправдываю вас и себя тоже»¹.

Хорошо известно, что Ленин был блестящим знатоком Гегеля. Известна и величайшая требовательность Ленина к самому себе, и его удивительная скромность.

Все изучить невозможно, овладеть всей культурой человечества не под силу никому. Но дело не в этом. Человек находится не в конечном пункте своего развития. Он всегда в пути. Духовная «кончина» наступает только тогда, когда он перестает стремиться к избранной цели. Только великие цели побуждают к достойной человека жизни.

По Ленину, «фантазия есть качество величайшей ценности...». «Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии»². Но фантазирование не должно превращаться в пустое времяпрепровождение. Фантазия должна носить характер «продуктивного воображения», оказывающего существенную и ничем не заменимую помощь деятельности человека. Ленин вел непримиримую борьбу с пустой мечтательностью, с «прожектерством», не имеющими никакого отношения к реальному делу, усматривая в них серьезную опасность для строительства социализма. Подлинная культура мышления ориентирована на Дело, и в этом истоки ее жизненности, прочная основа ее всесторонности и глубины проникновения в действительность.

¹ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1969, с. 388.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 125.

Гегелю принадлежит изречение: «Человек есть не что иное, как ряд его поступков». В противовес пустому самомнению индивида, утешающегося при неуспешности хода своих действий ссылкой на внутреннюю сторону характера, которую следует-де отличать от внешних его проявлений, на свои превосходные намерения и убеждения, он указывал на существенное значение единства внутреннего и внешнего в человеческих поступках. Претензии бездарных живописцев или плохих поэтов, требующих, чтобы их судили не по результатам, которые они дали, а по их намерениям, обычно отвергаются как необоснованные. Настоящая культура мышления отличается глубоким реализмом, тем, что можно назвать объективностью. Именно с этим связана ее высшая продуктивная сила.

Вся история духовного образования человечества убеждает в недостижимости идеала всесторонней образованности как самоцели, конечного результата развития. В лучшем случае из тех, кто стремится к «знанию ради знания», выходят дилетанты, скользящие по верхам наук; в худшем — «мечтатели» о некоем «высшем» и «чистом» знании, которое если и существует, то только в их воображении. Для дилетантов стремление к самообразованию, к достижению определенной осведомленности обо всем носит характер только внешнего лоска, внешней «культурности», но не подлинной культуры.

В широком смысле дилетанты — это те, кто имеет определенные сведения, но не видит путей их использования (вернее, не научен этому). В более узком понимании дилетантизм — это «любовь к науке, сопряженная с совершенным отсутствием понимания ее». Дилетанты, писал А. И. Герцен — «это люди предисловия, заглавного листа...».

«Профессиональный кретинизм» (выражение К. Маркса), т. е. замкнутая узкая специализация, вне-

шне хотя и противоположен дилетантизму, но на самом деле близок к нему по своей оторванности от интересов человека, от реальной жизни. Это ведет к своеобразной «кастовости» ученых и в конечном счете — к потере ориентации в сфере собственной науки, не говоря уже о смежных и более отдаленных отраслях научного знания.

Жить в обществе и быть свободным от него невозможно. Это положение имеет прямое отношение к избранной человеком деятельности. По словам П. Лафарга, К. Маркс считал, что «ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников»¹. Наука существует не ради самой себя, она теснейшим образом связана с жизненными, материальными интересами человечества, и зоркость ученого в сугубо научных исследованиях в значительной мере питается глубиной постижения им социальных потребностей, а это, в свою очередь, возможно лишь в процессе реального участия в общественном движении.

Ф. Энгельс указывал, что для К. Маркса наука была исторически движущей революционной силой. «Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще... Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 62.

ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие»¹.

Наш век, век колоссально возросшей дифференциации (разделения) научных знаний, предъявляет особые требования к идеалу всесторонне образованного человека. Энциклопедизм, не имеющий ничего общего с поверхностным дилетантизмом, во все времена выступал как форма высшей продуктивности знания — достаточно вспомнить имена Аристотеля, Леонардо да Винчи, Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина, Вернадского... Следует поэтому отнестись осторожно к ходячей фразе, что времена «энциклопедической образованности» безвозвратно канули в прошлое. «Времена» эти не прошли и вряд ли когда-нибудь пройдут, потому что человечество всегда будет искать пути к этой высшей ступени знания. Другое дело, что она приняла в нашу эпоху специфическую форму «коллективного разума».

Образование собственно и составляет основу воспитания культуры мышления. Но в этом деле меньше всего можно добиться «наскоком», что обычно соответствует первоначальным устремлениям юношества, стремящегося «взять все сразу и быстро». Мышление можно уподобить живому растению, имеющему свои фазы роста, цветения, плодоношения. Нелепо требовать зрелых плодов от только что появившегося ростка.

По словам Гете, тот, кто хочет достигнуть великого, должен уметь ограничивать себя. Гегель был солидарен

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 351.

с ним: «...тот, кто хочет всего, на самом деле ничего не хочет и ничего не достигнет. Существует масса интересных вещей на свете: испанская поэзия, химия, политика, музыка; все это очень интересно... однако, чтобы создать что-нибудь определенное, данный индивид в данной ситуации должен держаться чего-либо одного и не разбрасывать свои силы в различных направлениях».

Специализация в наше время неизбежна. «Ограничение рождает мастера» — вот первая заповедь на пути к образованности и культуре. Поэтому прежде всего следует быть хорошим специалистом. Освобождение от узости специализации происходит не путем отказа от нее, а путем расширения и обогащения своей специальности, привлечения знаний из смежных отраслей.

Путь к подлинной культуре мышления начинается с сосредоточения усилий в одном направлении, в решении не всех задач одновременно, а только одной, и лишь постепенно — всех. Стержень деятельности великих деятелей науки составляют поиск, обретение и оформление своей «сквозной идеи», что ведет нередко к переосмыслению сложившейся ранее картины мира (в естествознании — Коперник, Галилей, Ньютон, Дарвин, Менделеев, Эйнштейн). «Оригинальность таланту сообщается,— по словам В. Г. Белинского,— углом зрения, с которого представляется автору мир, цветом стекол, сквозь которые отражаются в глазах ума его все предметы».

Генеральную «сквозную идею» творчества классиков марксизма-ленинизма составляет разработка ими диалектического метода, позволившего раскрыть глубинные закономерности развития природы, общества и человеческого мышления. Об этом свидетельствует ленинская характеристика эпистолярного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, которая может быть в полной мере отнесена не только ко всему их теоретическому наследию,

но и ко всему теоретическому наследию самого В. И. Ленина.

«Если попытаться,— писал В. И. Ленин,— одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки,— тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹.

Именно разработка этой глубинной идеи вела классиков марксизма-ленинизма к вершинам научного знания своей эпохи, заставляла обращаться ко все новым и новым отраслям научного знания и решающим образом способствовала формированию их поистине энциклопедической образованности, которая не имела ничего общего с поверхностной многосторонностью дилетантов. В этом плане характерно замечание Ф. Энгельса о том, что «для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием»². Как известно, К. Маркс был основательным знатоком математики, а Ф. Энгельс — теоретиком современного ему естествознания. Тайна их энциклопедизма кроется также в разделении труда между ними и в теснейшем сотрудничестве, постоянном живом обмене мнениями, взаимной консультации и снабжении научной информацией. Научная деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собой прообраз того «коллективного разума», к которому ныне идет современная наука.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 264.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 10—11.

Если попытаться кратко сформулировать суть дела Маркса, Энгельса, Ленина, для этого потребуется лишь несколько слов: освобождение рабочего класса, всех трудящихся. Но в них вмещается все: выработка последовательно материалистического воззрения на общество; раскрытие тайны накопления капитала; создание коммунистической партии; распространение коммунистических идей среди трудящихся; организация их борьбы за ниспровержение эксплуататорского строя; организация практического строительства коммунистического общества.

Вся жизнь основоположников марксизма-ленинизма являет собой великий образец служения идее, неразрывно слитой с делом. В этом и состоит смысл высшей культуры мышления, которая представляет собой вечно живое единство теории и практики, слова и дела.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ

Мышление и теория мышления

Дисциплина мышления

Диалектика и творчество

**Нравственно-гуманистический
фундамент мышления**

Мышление и теория мышления

Философия — исторически первая форма теоретического мышления, она насчитывает уже две с половиной тысячи лет. Существует представление, будто философия отжила свое время и ныне человеку, чтобы быть современным, устремленным в будущее, необходимо прежде всего знание физики, кибернетики, генетики, космонавтики. Между тем изучение философии есть занятие в высочайшей степени нужное современному человеку как способ приобщения его к достижениям цивилизации. Философия несет с собой удовлетворение

глубинных человеческих потребностей, которые, конечно, в каждую эпоху видоизменяются, но отмереть не могут. Приобщение к философии и ее истории означает приобщение к историческому пути осознания человечеством своего могущественного атрибута, своего неотъемлемого свойства — мышления, его особенностей, возможностей и способов его эффективного использования. Философия, начиная с Сократа, стала теорией мышления и вместе с тем теорией культуры мышления. Не случайно слово «культура», первоначально обозначавшее «возделывание» земли (отсюда «агрикультура»), со времени Цицерона (написавшего в «Тускуланских беседах...»: «Но культура духа есть философия») стало обозначать также «совершенствование разума» при помощи философии.

Философия — это не только учение о мышлении, но и постижение мира в мышлении, исторически определенный образ, стиль мышления. Философия есть эпохальное мышление, или эпоха, схваченная в мысли.

Приобщиться к культуре мышления можно, помимо прочих путей, и через изучение философских произведений, их самостоятельное прочтение. Но они существенно историчны. Их нельзя читать «монологически», приравнивая к привычному повседневному восприятию. Это ничего не дает для духовного обогащения и лишь закрепляет с помощью авторитета и мнимой эрудированности заранее известное. Чтение философских сочинений должно быть диалогом с великими мыслителями, связанным с пониманием всего своеобразия хода их мысли, ее содержания, стиля, направленности. Здесь помимо субъекта-автора необходим субъект-читатель.

В процессе «оживления текста» в нем могут быть открыты новые грани, неизвестные даже его автору. Именно этим объясняется тот парадокс, что нередко продукт культуры одной эпохи живет в последующих эпохах более интенсивной, напряженной жизнью. Ко-

нечно, кое-что можно здесь отнести за счет примысливания. Но главное состоит в том, что, как отмечает советский литературовед М. М. Бахтин, «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох».

Каждая из серьезных философских систем представляет собой мысленное постижение мира и человека, особый способ подхода к реальности, особое видение мира. Это видение надо прежде всего понять как единственное и неповторимое, а уже затем, что не менее важно, отвергать или принимать, соглашаться или критиковать, вступая в равноправный диалог. Следует иметь в виду, что философские системы и сами внутренне диалогичны: каждая из них отправляется от какой-то точки зрения, с чем-то полемизирует, нечто утверждает и что-то отклоняет, т. е. выступает как звено в цепи развивающегося мышления, философского постижения мира. При этом происходит сопоставление различных позиций, а не простое суммирование существующих мнений. Поэтому внутреннюю диалогичность глубокого философского учения ни в коем случае не следует смешивать с простым перечислением различных точек зрения, претендующим на то, чтобы возвыситься над собранным материалом, но в действительности ограничивающимся буквой текста.

Правда, иногда мыслители, реально углублявшие понимание мира, преподносили свое философствование как комментирование трудов предшественников. В средневековье многие мыслители трактовали свои системы как разъяснение тех или иных трактатов «Первого учителя» — Аристотеля. Мотивы при этом бывали самыми разными — от стремления прикрыться чужим именем до полной уверенности, что истина уже открыта великим учителем, а остальным надо лишь следовать

по его пути, стремясь возвыситься до него. Но форма комментаторства не должна заслонять для нас оригинальности видения мира таких титанов, как, например, аль-Фараби и Ибн Рушд.

Уровень мышления всегда фиксировался каким-то исторически конкретным образом. В мифологии — первой известной нам форме мышления — схемы мышления были заданы авторитарно: в виде примеров, ритуалов поведения, жизненных ориентаций, которые индивид воспринимал как абсолютные образцы. В философии, по мере ее развития, все более проявлялось критическое и самостоятельное отношение индивида к реально бытовавшему мышлению и соответственно к действительности.

Первоначально схемы мышления задавались в рамках общей картины мироздания. Это наблюдалось повсеместно в пору зарождения философии — в древней философии китайцев, индийцев, греков. Постепенно происходит расширение проблематики философии, включение в ее состав этических, социальных, психологических проблем. Появляется и собственно гносеологическая и логическая проблематика, внутри которой и идет речь о природе мышления, о его возможностях, уровнях, способах совершенствования.

Развитие мышления происходило не гладко и прямолинейно, его история нередко характеризовалась господством иллюзорных способов восприятия действительности, попятными движениями. Способы мышления не только сменяют друг друга, но и сосуществуют, ожесточенно соперничая за господство. Чем же объясняется такое многообразие способов мышления и живучесть его архаичных форм?

Следует иметь в виду, что мышление как естественный процесс протекает только в голове человека, и в этом смысле сам акт мышления строго индивидуализирован. Однако природа мышления такова, что его ре-

зультаты через деятельность человека постоянно переходят из идеального состояния в материальные формы, как бы «кристаллизуясь» в плодах этой деятельности — продуктах материальной и духовной культуры. Вся история человеческого мышления может быть представлена как совершающийся в громадных масштабах процесс непрерывного перехода мышления из формы «бытия» (психические процессы) в форму «инобытия» (слово и вещи) и обратно. Соответственно процесс овладения каждым человеком опытом мышления можно представить как переход человеческого мышления от «инобытия» в культуре к «бытию» в мышлении личности. Возвращение к исходным предпосылкам, приемам, способам мышления, к истории их становления — существенная сторона воспитания культуры мышления. Это свидетельствует о социальной природе мышления, содержание которого преломляется через призму материальной и духовной культуры человечества.

Мышление не следует представлять себе в виде восковой доски, которая способна лишь нести следы впечатлений (сравнение Аристотеля), или в виде «чистого» движения в логике понятий (как полагал Гегель). Не что иное, как заинтересованность, пристрастность придают мышлению жизненность и силу, способность достигать великих целей. При этом оно как бы обретает смысл своего существования, становясь не просто средством удовлетворения любопытства, а незаменимым орудием реализации человеческих интересов. Но интересы интересам рознь. Пристрастность человеческого мышления слишком часто служила проведению в жизнь корыстных, эгоистических интересов на всех уровнях жизни человечества и во все времена, начиная с жрецов и древних софистов и кончая современными апологетами империализма. Вот почему в известном изречении о том, что если бы геометрические аксиомы задевали ин-

тересы людей, то они бы, по всей вероятности, опровергались, содержится глубокая жизненная правда.

Таким образом, разнообразие способов мышления порождается не только разнообразием достигнутых уровней материальной и духовной культуры общества, но и разнообразием господствующих в нем социальных интересов. И если еще учесть, что все это преломляется через индивидуальное сознание множества людей, то в целом станет понятна причина разноголосицы в общем ходе развития человеческого мышления.

В. И. Ленин определял диалектику (а следовательно, и диалектическую культуру мышления) «как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»¹. Важно не упустить ни одного оттенка, ни одного способа подхода, приближения к действительности. Даже предельно ложная точка зрения на действительность — философский идеализм, или, по выражению В. И. Ленина, «*дорога к поповщине*», есть дорога «*через один из о т т е н к о в* бесконечно сложного *п о з н а н и я* (диалектического) человека»². Поэтому идеализм должен рассматриваться как с учетом сильной своей стороны («рациональное зерно»), так и с точки зрения его коренной несостоятельности, ибо для людей важен не только опыт «побед», но и опыт «поражений» человеческой мысли.

Л. Фейербах отмечал, что даже схоластическая философия являлась выражением жажды деятельности мыслящего духа: «Стараясь доказать и обосновать предметы веры, основанной лишь на авторитете, она доказывала этим, правда большей частью помимо собственного знания и воли, *авторитет разума* и таким

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

² Там же, с. 322.

образом вносила в мир или по крайней мере подготавлила иной, чем у старой церкви, принцип, принцип *мыслящего духа, самосознания разума*. Мышление (разум) коренным образом противоположно религиозной вере. Логичность, обоснованность, критичность, проверяемость результатов мышления не дают основания для смешения науки и религии, к чему нередко стремится современная буржуазная философия. Даже в том случае, когда религия в силу необходимости систематизации, канонизации и защиты своих положений прибегает к мыслящему постижению, она утверждает принцип, чуждый ей. Христианство, по К. Марксу (как, впрочем, и любая другая религия), «не может согласоваться с разумом, так как «светский» разум находится в противоречии с «религиозным» разумом...»¹.

Философия с самого начала стремилась раздвинуть границы понимания мира и вместе с тем в самом обобщенном виде определить отношение мышления к реальности. Возникновение философии означало рождение понятийного мышления, которое самоопределяется путем противопоставления себя иному бытию.

Признание особого объекта, особого мира мышления связывалось подчас с признанием мысленного характера самого бытия, его идеальности. Здесь налицо полное отождествление мысли и бытия как объекта мысли: одно и то же — мысль и то, что мыслится (Парменид). Мы находим эту линию у Платона (введение наряду с миром вещей мира идей) и у Гегеля (тезис о тождестве мышления и бытия).

Наряду с этим чувственность стала противопоставляться мышлению, пестрота и изменчивость первой — успокоенности и строгости второго. Но эта антитеза чувственности и мышления, сопровождавшая дальней-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 100.

шее развитие философии в виде борьбы эмпиризма и рационализма, оборачивается основной философской антитезой бытия и мышления, как только начинается углубление вопроса. Материалистически настроенные мыслители, склонные брать за начало реальность, существующую объективно, подчеркивают значение непосредственного соприкосновения с миром через органы чувств. Напротив, идеалисты всячески стремятся отделить мышление от его чувственной основы, вплоть до противопоставления двух миров: мысленного (или интеллигибельного, как говорил Кант) и чувственного. При этом сам чувственный мир рассматривался подчас как некая видимость, марево, сплошное ничто, если разобраться по существу. Диалектический взгляд Гераклита трактовался как признание абсолютной текучести, относящейся якобы лишь к чувственным вещам. Утверждалось даже, что знать об этой текучести что-либо и помыслить ее невозможно. Сделавший такие выводы из учения Гераклита его ученик Кратил предлагал вообще воздерживаться от названия вещей и только указывать на них пальцем.

Знаменитые софисты, с блеском проявлявшие свое остроумие, получили отпор, когда попытались искать опору для мышления в сфере чувственности, во всем многообразии мира, данном человеку в потоке ощущений через органы чувств. Оппоненты софистов предлагали изъять мысль из этого потока и устремить ее на нечто стабильное, устойчивое в самом бытии, что позволило бы укрепить вечные человеческие ценности. Опора на чувственность, заявляли они, выбивает из-под мышления объективную основу, ставя его в зависимость от капризов переплетающихся чувственных образов, а если еще учесть, что человек как чувственное существо подвержен себялюбию, тщеславию, частным интересам, то станет ясно, в какую бездну анархии ввергают людей софисты.

Приоритет мышления перед чувственностью, согласно Платону,— это приоритет устойчивого, стабильного перед изменчивым и текучим. В мышлении, освобожденном от личностного момента, он видел не только опору человеческого бытия, но и меру самих вещей, своеобразного охранителя мирового порядка, полагая, что без мышления все могло бы беспорядочно закружиться и потеряться в хаосе алогичности.

Мышление должно иметь дело с предметом как таковым, понять предмет «сам по себе», мыслить предмет в его сущности. Уже Сократ, учитель Платона, продемонстрировал это, рассуждая о прекрасном. Его собеседники приводили «примеры» прекрасного: женщина, сосуд, лошадь и т. д. Он же требовал от них дойти до самого прекрасного, до того, что такое прекрасное само по себе. Известно, что в геометрии требование мыслить что-либо одно и последовательно придерживаться принятого дало поразительный эффект. В системе Евклида благодаря такому подходу был совершен переход от чисто практических методов вычисления площадей, выработанных вавилонянами и египтянами, к систематическому построению теории путем выведения ее содержания из раз принятых аксиом, т. е. путем дедукции.

В учении Аристотеля мышление предстало во всей полноте формальных и содержательных моментов. Для Аристотеля характерен прежде всего объективизм, т. е. подчеркивание соответствия мышления и его форм самой действительности. При этом гарантом объективности мышления и способом его связи с бытием служит чувственное восприятие. Тщательное исследование Аристотелем всех элементов и приемов рассуждений привело, с одной стороны, к разоблачению тайны искусства софистов вводить людей в заблуждение, а с другой — составило основу классической, или традиционной (аристотелевой), логики. Результаты этого

исследования были настолько ценны, что до сих пор в основном сохраняют все свое значение и входят во все учебные пособия по логике. Наконец, Аристотель впервые предпринял попытку вычленения категориальной структуры мышления своего времени.

Наследие Аристотеля занимает уникальное место в истории культуры, ибо в нем содержится гениальный набросок материалистической в основных своих чертах теории мышления. Отталкиваясь от аристотелевского понимания мышления, его средневековый последователь аль-Фараби предпринял попытку провести границу между двумя культурами мышления, выработанными в рамках философии и религии. Он утверждал, что религия — это не особое знание, стоящее рядом с философией (или даже над ней), а только форма изложения уже добытого знания, приспособленная к предрассудкам и мнению масс. Бесспорно, для утверждения подобной точки зрения на отношение философии и религии в эпоху господства религиозных воззрений требовалась не только самостоятельность, но и смелость мысли.

В истории мышления прослеживается тенденция к противопоставлению философии и религии. Так, Гегель выделял три духовные формации в развитии человеческого мышления: искусство, религию и философию. Только в философии, считал он, мышление находит себе адекватную форму — понятие. Религия есть мышление в форме представления. Искусство — мышление в форме созерцания.

Учению Гегеля о мышлении присущ так называемый философский аристократизм. Для него подлинное мышление находит выражение только в философии, причем только в философии идеалистической, обожествляющей понятие, превращающей его в нечто самодовлеющее. Конечно же философия имеет ближайшее отношение к мышлению, и этого нельзя игнорировать.

Но есть и другая, весьма существенная сторона дела. Само мышление имеет отношение ко всему, а главное — оно произрастает на почве реальной жизни, его субъектом является живой человек, «действительный, телесный человек, стоящий на прочной, хорошо округленной земле, вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы...»¹.

Как свидетельствует история философии, различные философские направления не только предлагали определенное понимание природы мышления, но и утверждали соответствующее понимание культуры мышления и способов ее воспитания. История борьбы эмпиризма («Нет ничего в интеллекте, чего не было раньше в чувствах») и рационализма («Нет ничего в разуме, чего не было раньше в чувствах, за исключением самого разума»), относящаяся к Новому времени, — яркий тому пример. Так, автор приведенного лозунга рационализма немецкий философ XVII века Г. Лейбниц в полемике со своим современником и сторонником эмпиризма английским философом и педагогом Дж. Локком писал, что люди отличаются от животных тем, что последние суть «чистые эмпирики» и руководствуются только опытом и примерами, а их выводы суть только «тень рассуждений», тогда как люди способны к наукам, основанным на логических доказательствах.

Но это еще не обнажает всей сути расхождения между указанными направлениями. Вопрос состоял в том, даны ли нам знания в полном объеме в чувствах или же, кроме того, есть некоторое знание в форме понятий, которые либо каким-то образом врождены (Декарт), либо присущи человеку в виде задатков, predispositions (Лейбниц). Как показала дальней-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162.

шая история философского познания, с позиций эмпиризма, принимающего во внимание чувства, но не чувственно-предметную деятельность человека, невозможно объяснить, каким образом наши знания приобретают всеобщее значение, т. е. восходят на понятийный уровень. С другой стороны, рационализм, противопоставляющий разум чувствам, мистифицирует процесс человеческого познания.

Согласно диалектико-материалистической теории отражения и в полном соответствии с безотчетно переживаемым и знакомым каждому «чувством реальности», чувственная основа мышления имеет первенствующее, исходное значение, вопреки Беркли, Юму, Канту и позитивистам, считавшим, что чувственность отгораживает сознание от реальности, а не соединяет с ней. «Особая функция чувственных образов сознания,— пишет советский психолог А. Н. Леонтьев,— состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания — как объективное «поле» и объект его деятельности».

Несопоставимость того, что дает чувственность индивиду, с общими результатами человеческого познания неоднократно порождала представление о полной самостоятельности мышления по отношению к чувственности. Так, Гегель истолковывал ее лишь как «пусковой механизм», «повод» для деятельности мышления. Он считал, что мышление постигает вовне только подобное самому себе, и утверждал, что бытие и мышление тождественны. Бытие умопостигаемо, а следовательно, умоподобно, т. е. идеально.

Для материализма бытие не тождественно мышлению. Это две противоположные реальности: объективная (материальная) и субъективная (идеальная). Бы-

тие материально в том смысле, что оно находится вне мышления и не порождается им. Мышление представляет собой функцию человеческого мозга (по Ленину, высший продукт высшего продукта материи), связанную с отражением, созданием идеального образа объективной реальности, с которой человек имеет дело в своей чувственно-предметной деятельности. Чувственность — это та основа, отправляясь от которой можно двигаться в глубь вещей, а в этом и состоит сущность и предназначение мышления.

Дисциплина мышления

Что такое дисциплина мышления? Прежде всего это его определенность, непротиворечивость, последовательность, обоснованность, т. е. все то, что еще Аристотель противопоставил анархии, разгулу своеволия и субъективизма софистов. Правда, никакая запруда не устоит под напором интересов. Ухищрения ума при стремлении достичь связанных с ними целей столь же тонки, сколь и многообразны. И отсюда — попытки изобрести или найти противоядие против субъективизма в мышлении. В свое время Лейбниц хотел создать универсальную математику, где любые прихоти и лич-

ностные поползновения были бы исключены, где все было бы строго и точно. Но даже электронно-вычислительную машину можно использовать в личных и корыстных интересах, чуть «подправив» закладываемые в нее данные, как об этом свидетельствует современная «деловая» практика ловких людей на Западе.

С древних времен существует точка зрения, согласно которой логика учит человека мыслить. Именно в этом видели ее пользу и ее цель. Гегель остроумно заметил по этому поводу: «Предрассудок, будто логика *научает мыслить*... это похоже на то, как если бы сказали, что только благодаря изучению анатомии и физиологии мы научаемся переваривать пищу и двигаться...» Но если логика не научает мыслить, то каково ее предназначение?

Как показали исследования швейцарского психолога Ж. Пиаже, дети научаются мыслить в полном соответствии с законами формальной логики в возрасте 14—15 лет. Магистральной линией умственного развития ребенка в этом возрасте является подчинение мышления закону тождества (предмет тождествен самому себе, «А есть А»). Это происходит только тогда, когда он научается совершать действия в прямо противоположных направлениях вначале внешне, а потом «в уме». Приведем классический пример, свидетельствующий о несформированности «операционного» мышления у детей дошкольного возраста. На глазах ребенка переливают жидкость из высокого и узкого сосуда в широкий и низкий. Уровень воды, естественно, понижается, и под влиянием этого непосредственного впечатления ребенок заключает, что «воды стало меньше». Как видим, он не совершает мысленную операцию обратного переливания, что привело бы его к убеждению в ложности первоначального впечатления. Здесь «нелогичность» интеллекта объясняется прежде всего несбалансированностью прямой и обратной операций.

Мышление ребенка проходит в своем развитии как бы четыре стадии. Первоначально по мере расширения сферы предметных действий с чувственно воспринимаемыми вещами вырабатывается сенсомоторный интеллект (до двух лет). На этой стадии в связи с постепенным овладением речью начинается перевод внешних действий во внутренний план — они начинают совершаться «в уме». Этот процесс ускоряется на второй стадии умственного развития — в период развития дооперационного интеллекта (до 7 лет). На стадии конкретных операций (до 11 лет) мыслительные операции становятся обратимыми, но ребенок еще не умеет правильно рассуждать независимо от реальных действий. На стадии формальных операций (до 14—15 лет) умственные действия окончательно координируются в устойчивые и подвижные структуры с их обратимостью и мышление начинает выступать в «чистой» форме, относительно независимо от предметных действий. На этой стадии закладываются основы теоретического мышления, появляется способность к дедуктивным умозаключениям и построению гипотез.

Таким образом, ребенок научается мыслить формально-логически еще в школьном возрасте. Исключительная роль принадлежит здесь обучению математике в школе, хотя этим ее роль не ограничивается. «Упражнение в математике,— отмечал бельгийский математик и педагог В. Сервэ,— содействует приобретению рациональных качеств мысли и ее выражения: порядок, точность, ясность, сжатость. Оно требует воображения и интуиции. Оно дает чутье объективности, интеллектуальную честность, вкус к исследованию и тем самым содействует образованию научного ума. Изучение математики требует постоянного напряжения внимания, способности сосредоточиться; оно требует настойчивости и закрепляет хорошие навыки работы. Таким образом, математика выполняет важную роль как в раз-

витии интеллекта, так и в формировании характера».

Следует, однако, иметь в виду, что школьное воспитание не составляет всего содержания воспитания, формирующего человека. Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский подчеркивал, что действительную школу воспитания народа составляют природа, семья, предания, поэзия, промышленность, литература, словом — все, из чего складывается историческая жизнь народа. Кроме того, ребенок уже до прихода в школу является мыслящим существом, глубоко понимающим действительность. Этот феномен объясняется тем, что отсутствие в раннем возрасте стройной последовательности в рассуждениях компенсируется исключительным развитием интуиции (догадки), значение которой для первых этапов развития мышления трудно переоценить. И, конечно, правы те психологи, которые утверждают, что если взять первые 17 лет становления человека, то основной массив, фундамент мышления складывается где-то за 6 лет. Значительная доля истины содержится и в утверждениях Л. Н. Толстого, говорившего: от пятилетнего ребенка до меня — один шаг, а от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние, и американского психолога Э. Торндайка, заявлявшего, что трехлетний ребенок проделал уже полпути своего умственного развития.

Сторонники иррационализма всячески стремятся придать интуиции мистические черты, сверхъестественный характер и противопоставить ее абстрактно-логическому, рассудочному процессу. Однако интуиция, пожалуй, даже более естественное состояние нашего мышления, чем абстрагирующий рассудок. Подтверждением этому служат мышление ребенка дошкольного возраста и здравый смысл любого человека. Интуиция — это тоже мысленное постижение действительности, но такое, которое не испытывает потребности в логическом доказательстве своего прямого усмотрения истины и

лжи или еще не нашло пути к такому доказательству.

Школа формирует рассудок и этим подготавливает человека к самостоятельной жизни, в которой надо быть рассудительным. Но рассудок рассудку рознь. Схоластический рассудок — мертвый рассудок, «варварский», по выражению Гегеля, в своем абсолютном стремлении разложить предмет на части и неспособный собрать его вновь; это — неразвитое и остановившееся детство человеческого ума. Настоящий рассудок — великая жизненная сила, и воспитывается он главным образом жизнью.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на необходимость изучения логики, в частности отмечали, что путаница в терминологии и частые повторения одних и тех же мыслей нередко вызываются именно отсутствием у человека «логической школы». Продуктивное значение логики состоит в том, что она раскрывает «механизм» того мышления, которое обычно называется «логичным» и которому присущи прежде всего такие фундаментальные характеристики, как определенность, непротиворечивость, последовательность и обоснованность. Изучение логики способствует повышению «логической внимательности», предупреждает о появлении в рассуждениях ошибочных, «алогичных» стереотипов, необоснованных утверждений, противоречивых высказываний. Рассудочное мышление правильно тогда, когда оно подчиняется законам тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания, глубоко изученным современной формальной логикой.

Изучение богатейшего опыта «логического самосознания», накопленного формальной логикой, имеет и тот современный смысл, что оно служит действенным орудием борьбы не только с непреднамеренными логическими ошибками — паралогизмами, но и с умышленными изощренными методами введения людей в за-

блуждение, которые столь усердно практикуются современными буржуазными идеологами и их прислужниками. Поэтому потребность в изучении той логики, основы которой заложил Аристотель, вряд ли когда иссякнет. Для мышления во все времена необходимы будут определенность, непротиворечивость, последовательность и обоснованность, т. е. то, что составляет дисциплину мышления.

Что же представляет собой такой компонент культуры мышления, как логичность? Можно согласиться со следующим определением, предлагаемым советским логиком В. И. Свинцовым: «В общем виде под логической культурой личности (индивидуальной логикой) следует, видимо, понимать более или менее развитые способности осуществлять такие действия, как умозаключение, доказательство, классификация и т. д., — способности, оцениваемые мерой соответствия указанных действий определенным критериям логической строгости».

Требования, предъявляемые к современной культуре мышления, не сводятся только к логической строгости рассуждений. Следует подчеркнуть, что строгость рассуждений имеет смысл только тогда, когда речь идет о правильном, объективном познании мира. Логика, обращенная на решение псевдопроблем (к ним следует отнести, в частности, религиозные догмы), не может подняться выше «инструмента простого доказывания» (Ф. Энгельс) и становится обыкновенной софистикой, искусством «жонглирования» доводами. Будучи же обращена к решению реальных научных, технических и социальных проблем, логика становится важным методом познания и преобразования действительности. В этой связи уместно привести мудрые слова Сент-Экзюпери: люди «стараятся рассуждать логически, не заботясь о том, чтобы правильно мыслить. Они смешивают эти вещи».

Исключительная заслуга школьного образования, как мы уже отмечали, состоит в том, что оно формирует рассудочную способность ребенка. Однако рассудительным человек становится только благодаря опыту своего рассудка. «В теории можно еще жить одним рассудком,— писал К. Д. Ушинский,— но высшая практическая деятельность требует всего человека и, следовательно, требует руководства разума». Зрелость мышления человека определяется не столько рассудком, сколько его разумом. Но и здесь могут встретиться препятствия.

В. И. Ленин предостерегал от смешения подлинной культуры разума, совпадающей с диалектикой,— с формами, внешне схожими с ней, но глубоко и принципиально ей противоположными. Скептическая и софистическая вышколенность ума, «образованность» (в смысле ориентированности в различных точках зрения), может быть, и дают некое преимущество перед неповоротливым, воспитанным на твердых принципах умом, но это такое «преимущество», которое позволяет «обосновать» все что угодно.

Скептицизм может принимать различные формы. Он оправдан тогда, когда помогает бороться с отжившими предрассудками и понятиями и расчищать почву для новых воззрений. Он может говорить о горьком разочаровании в человеческих ценностях. Скептицизм как сознательно практикуемое «наплевательское» отношение к добру, справедливости и истине свидетельствует о глубоком внутреннем разложении человека. Скептицизм может служить и выражением чувства собственного интеллектуального превосходства. Эту ситуацию прекрасно показал в своей картине художник Н. Н. Ге, изобразив Пилата, задающего Христу вопрос: «Что есть истина?» Поза Пилата красноречиво свидетельствует о том, что уж он-то отчетливо знает пустоту слова «истина» и потому проявляет снисходительное

внимание к тому, кто страдает за истину, хочет достичь ее глубин. Великий диалектик Гегель дал резкую отповедь чисто отрицательному отношению к действительности, выражающемуся в отрешенном созерцании суетности и тщетности всего, созерцании, в котором пребывает лишь «мое» тщеславие. «Считать последним словом мудрости сознание ничтожности всего, может быть, и есть на самом деле некая глубокая жизнь, но это — глубина пустоты...»

Скептицизм причастен к диалектике лишь в той мере, в какой он выполняет разрушительную работу критики окостеневших представлений, показывая наличие в них противоречия. Вместо «есть» он выдвигает «кажется», но истина, учит диалектика, вовсе не является сухим «есть», а представляет собой процесс. Диалектика скептицизма случайна. Отрицание не рассматривается им как нечто внутренне присущее природе всякого явления. В действительности же отрицание имеет и утвердительную сторону, оно есть «момент связи», «момент развития» (В. И. Ленин), оно есть внутри себя утверждение чего-то другого и имеет смысл лишь как отрицание отрицания. Но, конечно, просто отвергать легче, чем преодолевать нечто изнутри и создавать конструктивные формы для его дальнейшего развития.

Диалектическое мышление включает в себя скептицизм как момент, как признание относительности всякого знания, но не как отрицание объективной истины — вот в чем корень расхождения подлинно революционной диалектики с мнимой «негативной» диалектикой скептицизма.

Касаясь положения о конкретности диалектического мышления, проникающего в самое существо предмета, советские авторы М. А. Лифшиц и Л. Я. Рейнгард (в книге «Кризис безобразия») указывают на корни живучести «идеи пустого отрицания» в системе

мышления мелкобуржуазного авангарда в искусстве модернизма. Объективная истина не совпадает ни с общим мнением, ни с выворачиванием его наизнанку, связанным с нарушением принятых канонов и норм. «Своего рода негативная диалектика, создающая из мыльной пены всякие антимир, имеет, конечно, в современном мире свои реальные корни. Можно даже сказать, что это бич современного сознания и вернейшая сеть, посредством которой стихийно действующая психология старого общества улавливает души, бегущие от ее прямого господства».

Классики философии не раз говорили о слабости человеческого разума, склонного к догматизму, о сравнительной легкости перехода от догматически усвоенных положений к иным, другим, третьим и т. д. — вплоть до самого крайнего релятивизма, до утверждения, что все без исключения относительно.

Некоторые полагают, отмечал, например, Кант, что в академическом образовании следует предостерегать молодежь от знакомства с такими сочинениями, которые могут ввести в искушение, но сам он придерживается противоположного взгляда и считает, что разум ученика следует сравнительно рано просветить самокритичностью, умением самостоятельно отстаивать свои убеждения и находить ответы на возражения. Догматическое обучение, которое может быть чрезвычайно полезно для данного момента, напрасно и бесполезно для будущего времени. Так сформированный разум не умеет развернуть скрытой диалектики, присущей как его точке зрения, так и точке зрения противника; становясь на заведомо предписанную точку зрения, разум не способен дать разъяснений и обосновать свою правоту. И когда юноша знакомится с чем-то иным, отличным от того, к чему он привык, ему «кажется», — продолжает Кант, — будто лучшее средство доказать, что он вышел из детского возраста, —

это пренебречь такими доброжелательными предостережениями, и, привыкнув к догматизму, он жадными глотками пьет яд... разрушающий его основоположения».

По словам Гегеля, хотя софистов и упрекали в том, что они учили доказывать все что угодно для своей пользы, т. е. для всего находили основания «за» и «против», это особенность не только софистов, но и всякого поверхностно мыслящего индивида, стоящего на ступени рефлексии и обладающего развитым рассуждением. Эта субъективная диалектика, исходящая из внешних оснований, ограничивается лишь признанием того, что «в правильном содержится также и неправильное и в ложном содержится также и истинное». Поэтому суть софистической манеры доказательства состоит в том, чтобы, «не касаясь самого предмета, как такового, а посредством оснований, которые черпаются из собственных чувств, представляющихся последними целями человека», уйти от рассмотрения существа дела.

Выявляя коренное отличие диалектики от софистики, В. И. Ленин писал, что гибкость понятий, «примененная субъективно, = эклектике и софистике»¹. И в другом месте: «...отличие субъективизма (скептицизма и софистики...) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»². Софистика во все времена под флагом борьбы за признание относительности всякого человеческого представления о действительности отрицала объективность челове-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

² Там же, с. 317.

ского знания в целом, его соответствие, несмотря на историчность, неполноту, недостаточность, объективной действительности. «Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления,— подчеркивал В. И. Ленин,— которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность... Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»¹.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что конкретная всесторонность диалектического подхода к действительности нередко подменяется мнимой «всесторонностью» эклектицизма, когда конкретное изучение реальных явлений заменяется попыткой так или иначе «согласовать» противоречащие друг другу утверждения: дескать, это верно с одной стороны, а то — с другой стороны. Наиболее полно суть эклектики, сводящейся к выдергиванию и натаскиванию фактов и фактиков вместо их конкретного изучения, В. И. Ленин раскрыл в известной работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина»².

Умение диалектически мыслить на теоретическом уровне никому не дается само по себе, в готовом виде. Человек овладевает диалектической культурой мышления путем глубокого изучения опыта познания диалектики бытия и мышления.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 5, 6.

² См. там же, т. 42, с. 289—292, 295—296.

Диалектика и творчество

Развитию современного познания присущи определенные противоречия: взаимопроникновение различных наук происходит наряду с такой их дифференциацией, когда специалисты многих смежных дисциплин нередко уже не понимают друг друга; «взрыв информации» соседствует с ее недостаточностью. Если добавить, что наука постоянно испытывает потребность в обобщении и систематизации накопленного материала с учетом его внутренних связей и в выработке соответствующего понятийного аппарата, то значение овладения диалектикой для современной науки станет неоспоримым.

В настоящее время деятельность ученого предъявляет к нему неукоснительное требование стоять на высоте теоретического мышления. «Но теоретическое мышление,— по словам Ф. Энгельса,— является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии»¹.

Как явствует из всей истории развития человеческой мысли, и прежде всего философии, наиболее существенным слоем мышления является его категориальный (понятийный) строй. *Категории*, образующие как бы внутренний каркас мышления, представляют собой инструмент отражения и воспроизведения необходимых, устойчивых, повторяющихся связей между явлениями действительности, инструмент познания законов объективной реальности. Во внутренней ткани любого познавательного акта, любого предложения («листья дерева зелены» и т. д.) можно вычленить категории общего и отдельного, необходимого и случайного, явления и сущности и т. д.² Это и элементы мышления, и отражение свойств бытия.

В процессе исторического развития мышления принципиально изменялся характер самих категорий. Именно в этом следует видеть глубочайшие причины изменения способов мышления. Первобытный человек глядел на мир иначе, чем современный, не потому, что у них разные органы чувств. Первобытный человек не просто верил мифам, не просто был «наивен» (ведь тогда еще не были известны другие способы мышления) — он был абсолютно убежден в их истинности, ибо его мышление, воспитанное на мифах и погруженное в мифическую реальность, имело соответствующую структуру.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318, 321.

Начиная с Платона и Аристотеля, философия вычленяет категории, которыми пользуются люди в процессе своего мышления, и делает их предметом специального исследования.

Значительный вклад в учение о категориях внес Кант. Он первым раскрыл деятельную природу мышления, показав, что то содержание, с которым имеет дело мышление, не дано ему в готовом виде, а в известной мере есть результат его собственной деятельности, в процессе которой оно и обращается к категориям. Это, разумеется, не исключает объективности мышления, как склонен был считать Кант. Напротив, к объективности познания человек может приближаться только опосредствованно, через ряд абстракций. В. И. Ленин подчеркивал в этой связи: «Гегель вполне прав *по существу* против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»¹.

Попытку систематического анализа категориального аппарата мышления предпринял Гегель. Используемая им общая рубрикация категорий логически воспроизводит схему теоретического познания: бытие, сущность, действительность, понятие. Каждый круг категорий связан с определенным уровнем продвижения мышления в глубь предмета. Действительно, мышление начинается с бытия, с непосредственных определений; восходит к сущности, выявляет единство сущности с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

формами ее проявления (действительность); удостоверяется в своей истинности, сверяя теоретические понятия с практикой в процессе движения от субъекта к объекту и от объекта к субъекту. При этом в каждом круге категорий раскрываются их взаимосвязи и богатое разнообразие логических оттенков.

Заслугой Гегеля явилась его попытка представить категории не как жесткие и неподвижные единицы (формы) мышления, а как подвижные элементы, образующие гибкую сеть, способную уловить жизнь во всей ее полноте и изменчивости. На эту сторону учения Гегеля о категориях мышления В. И. Ленин обращал особое внимание: «Остроумно и умно! Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение. Конечный? значит, *двигающийся* к концу! Нечто? — значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹.

Достижения Гегеля в истолковании диалектики категорий мышления объяснялись глубоким пониманием истории мысли. В частности, он указывал на параллель между историей философии и логическим порядком философских категорий. Ранние философские системы характеризовали начало бытия (первоначало) качественно. После того как возможности качественного понимания были исчерпаны, появилось количественное определение первоначала. Причем здесь как бы проиг-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 98—99.

рывались все возможные логические варианты: бытие как таковое, единое бытие, непрерывное бытие (элейцы); количество как число (пифагорейцы); лишенные качества физические единицы — атомы, количество в форме дискретности (атомисты). Единство бытия (элейцы) и ничто (буддисты) дает категорию становления, нашедшую выражение в философии Гераклита. И вообще каждая философская система давала разработку какой-либо категории, без которой немислимо современное теоретическое мышление: мера (Протагор), сущность (Платон), понятие (Аристотель), субъективность (стоики, скептики, эпикурейцы), конкретная идея (Плотин) и т. д. Вот почему, по мнению Гегеля, не может быть опровергнута полностью ни одна философская система — каждая из них вложила свой вклад в современное мышление.

Разумеется, принимать конкретную схематику категорий в том виде, как ее изображает Гегель, нельзя. Это обусловлено ложностью исходного пункта — его идеализмом. Глубоко ошибочна сама трактовка категорий как форм саморазвития мышления. Предельно абстрагируясь от реального содержания категорий, Гегель превращает их в нечто самодовлеющее, отрицая их значимость как форм отражения предметного мира. Так, раздел «Бытие» в его логике начинается с категории чистого бытия, которое есть по сути дела не бытие, а лишь мысль о бытии, чистая мысль «без всякого дальнейшего определения». Для материализма же исходной базой познания и мышления является объективное бытие, материя. Трудно согласиться и с тем, что субъективное понятие предшествует объективности. На самом деле именно объективность (материя) порождает в своем развитии мыслящий мозг, субъективное понятие, а механические, химические и биологические процессы составляют предпосылку человеческой истории, духовного развития. У Гегеля получается наоборот: объект

рассматривается как ступень развития понятия, т. е. познания, а в конце системы категорий мы видим абсолютную идею, которая есть не что иное, как обожествленная человеческая идея.

Критикуя идеализм и произвольные натяжки, присущие гегелевской системе категорий, К. Маркс и В. И. Ленин высоко оценивали ее рациональную основу. В структуре «Капитала» К. Маркса общая логика раскрытия сущности капитализма как особой общественно-экономической формации имеет определенное соответствие с последовательностью изложения категорий в «Науке логики» Гегеля¹. В. И. Ленин подчеркивал, что в своей систематике категорий Гегель правильно воспроизводит общий ход движения познания: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания и политической экономики [и истории]*»².

В. И. Ленин уделял огромное внимание разработке теории материалистической диалектики. О степени его интереса к этой стороне дела убедительно свидетельствуют знаменитые «Философские тетради», раскрывающие творческую лабораторию диалектико-материалистической культуры мышления. Только теперь, с высоты времени, можно представить всю широту, глубину, напряженность и целеустремленность работы В. И. Ленина по дальнейшему развитию диалектики — живой души марксизма, ядра научного, революционного коммунистического мировоззрения.

¹ Мы не затрагиваем здесь вопроса о логике «Капитала», в которой нашли отражение и взгляды Маркса на природу и механизм мышления. Этой теме посвящена большая литература, из которой мы хотели бы обратить внимание на труды Э. В. Ильенкова, Л. А. Маньковского и М. М. Розенталя.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.

Суть диалектической культуры мышления В. И. Ленин сформулировал следующим образом: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...»¹ Сказанное, конечно, не исчерпывает всего содержания диалектической логики мышления, но этого, по Ленину, вполне достаточно для преодоления догматизма, софистики, скептицизма, эклектики.

В. И. Ленин категорически настаивал на отграничении диалектической концепции развития от плоско-эволюционистских концепций, лишь внешне согласующихся с диалектикой, а по сути дела глубоко расходящихся с ней, изгоняющих противоречия из сущности вещей, понимающих движение как нечто навязанное извне. Именно поэтому такого рода концепции в своих конечных выводах смыкаются с идеализмом и «поповщиной», допуская в качестве источника движения бога, «мировой разум» и пр. Диалектический анализ развития органически сочетается с материализмом, позволяет объяснить мир из него самого, как его собственное самодвижение и саморазвитие.

Диалектика — не только общая концепция развития объективного мира, но и логика и теория познания марксизма. Именно в этом принципиальное отличие диа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

лектики марксизма от всех исторически предшествующих ей форм. Диалектика как философская наука включает в свою сферу логику человеческого мышления, показывая, как воспроизводится в логике понятий диалектика объективного мира.

Одним из важных обстоятельств, придающих огромное значение диалектике, В. И. Ленин называл следующее: это общая теория развития, учение о «живой жизни», вскрывающее ее становление, движение, истоки самодвижения, переходы, переливы, взаимопроникновение и борьбу противоположных сил и тенденций, скачки и чисто количественные изменения. Но она к тому же есть жизненная концепция, т. е. способная к самокритике, к собственному углублению и развитию. Ее жизненность, полнота, многосторонность состоят в том, что она как бы не упускает из виду ни одного «шанса», ни одной возможности, ни одного оттенка, способа подхода, приближения к действительности. Даже опыт «поражений» человеческой мысли, заблуждений, тупиковых ходов можно и должно, по Ленину, обернуть на пользу, обнаружив в них кусочки истины, «рационального зерна». Если абсолютизируется и превышает их внутренняя мера, предел, то это и приводит к «раковой опухоли» познания — ложной концепции. Ведь заблуждение большей частью — это не что иное, как «чрезмерная», гипертрофированная истина, ставшая ложью за пределами тех границ, в рамках которых она была справедлива.

Ленин с удовлетворением выписывает у Гегеля мысль о том, что диалектика как логика не имеет дела с абстрактно общими положениями, якобы находящимися *наряду* с конкретностью, характерной для фактического опыта, как это может показаться на первый взгляд. Для Ленина в диалектике важно такое абстрактное, которое воплощает «все богатство особенного и отдельного». В этом отношении абстрактное, с точки зре-

ния диалектики, напоминает нравственное изречение, которое имеет один смысл в устах юноши, хотя бы он понимал его совершенно правильно, и другой — у умудренного опытом зрелого мужа, для которого за этим изречением скрывается вся полнота его собственного жизненного опыта. Это материалистическое сравнение не имеет и тени пренебрежительного отношения к молодежи, ибо Ленин считал опыт — было бы желание — делом наживным. Здесь просто фиксируется неизбежный недостаток практического опыта у юноши. Ведь Ленин умел как никто бережно относиться к молодежи, обладал исключительным даром терпения к ее ошибкам, деликатно указывал на них.

Развитое, творческое мышление по самой сути своей диалектично: оно самокритично, открыто к миру и способно к непрерывному самосовершенствованию; оно черпает свои истоки в реальности и стремится в ней воплотиться, преобразовать ее. И в этом своем качестве мышление имеет существенной своей опорой воображение. Парадокс состоит в том, что именно теоретическое мышление в высшей степени нуждается в развитом воображении. К. Маркс писал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹. Сила абстракции — это и сила воображения, направленная на создание понятий и символов.

Можно ли вычленить определенные образцы, схемы, приемы, которые как бы создают контур культурного мышления, позволяя отличать его от неразвитого, несистематического, разбросанного, неаккуратного? Конечно, можно, и этим как раз и занимаются философия, логика и психология, да и все дело общего и профессионального образования исподволь приучает к каким-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

то отработанным установкам, приемам, навыкам. Без образца, без штампа, без шаблона не обходится ни одно производство, которое на определенной ступени достигает серийности и стандарта. Сама природа с поразительной точностью воспроизводит в новых поколениях образцы предков. Но культура мышления, сопряженная с творчеством, требует умения не только использовать, но и ломать привычные штампы и приемы, умения взглянуть на себя как бы со стороны, что дает возможность мыслить нешаблонно.

Для формирования творческого ума необходимо воспитание таких качеств, как:

самостоятельность мышления, т. е. умение ставить задачи и находить соответствующие решения и ответы;

критичность и самокритичность мышления, т. е. умение не поддаваться магии «слепой» веры и давать объективную оценку явлениям, собственным действиям и мыслям;

широта ума, т. е. умение конкретно и всесторонне подходить к рассмотрению того или иного вопроса;

глубина ума, т. е. умение доходить во всяком вопросе до сути дела, не успокаиваясь на первом, поверхностном объяснении;

гибкость ума, т. е. умение свободно распоряжаться исходным материалом (расчленять, перераспределять, взглянуть на него как бы с иной точки зрения и т. д.) и видеть его в развитии;

открытость ума, т. е. умение в известном находить неизвестное, или чувство новизны.

Все эти моменты являются гранями диалектической культуры мышления, всегда открытой для творчества. Творчество — не удел только избранных, а широкое поле, открытое в той или иной степени для всех, в зависимости от задатков, а главное — от нормального развития тех возможностей, которыми располагает каждый ребенок.

Психологами установлено, что такие качества, как сообразительность, находчивость, догадливость, отнюдь не представляют собой некие абсолютно целостные, нерасчленимые акты сознания. Это особые умственные действия, которые в сформированном состоянии протекают с большой скоростью, «автоматически» и чаще всего неосознанно. Например, трудность решения многих геометрических задач состоит для школьника в том, что в условиях задачи определенный элемент геометрической фигуры бывает обозначен одним термином (например, хорда), а надо «догадаться», «сообразить», что он является также и стороной вписанного угла, стороной угла треугольника и т. д., и использовать этот элемент в новом качестве. В данном случае учить школьника геометрической догадливости значит учить его умению видеть чертеж, т. е. учить его быстрому вычленению и соотнесению элементов чертежа, чтобы в результате он мог в уме «спроецировать» ряд фигур, в которых каждый элемент выступает в различных качествах (то как хорда, то как сторона угла и т. д.).

Даже с точки зрения формальной логики «сообразительность» не является таинственным свойством человеческого ума. Аристотель определял сообразительность как «способность мгновенно найти средний термин». Он приводил следующий пример: наблюдательный человек из того факта, что Луна всегда светится, находясь против Солнца, может догадаться, что Луна не светит собственным светом. Сообразительность вообще состоит в том, что человек окольным путем, с помощью ряда посредствующих звеньев может установить связь между, казалось бы, далекими друг от друга явлениями.

Важным показателем творческого потенциала личности является и чувство юмора. Взглянуть на явление с различных позиций, в том числе и необычных, сопоставить отдаленное и разъединить близкое — все эти компоненты юмора, или остроумия, могут быть охарак-

теризованы и как показатели степени развитости мышления.

Подлинное остроумие состоит «в схватывании и высказывании противоречия», и тем самым оно сближается с определенной формой диалектической культуры мышления. Есть основание полагать, что с такого рода характеристикой остроумия был согласен В. И. Ленин. Выписав соответствующее место из гегелевской «Науки логики», он отметил далее:

«(1) Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, а *это самое важное*.

(2) Остроумие и ум.

Остроумие схватывает противоречие, *высказывает* его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие», но не *выражает* понятия вещей и их отношений.

(3) Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными... и живыми по отношению одного к другому,—приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самой движения и жизни*»¹.

Таким образом, остроумие выступает как яркий показатель диалектического характера мышления, его гибкости и подвижности, когда понятие поворачивается неожиданной гранью и начинает «светиться через противоречие».

Мышление есть диалектически напряженный, активный творческий процесс, требующий от человека высокого уровня культуры, умения подавить в себе все частное, узко личное и «раствориться» в предмете мысли,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 128.

возвышаясь тем самым до объективности и всесторонности понимания действительности. В. И. Ленин удивительно цельно воплощал в себе материалистическое, классовое (при оценке общественных явлений) мироощущение и потому сразу чувствовал фальшь высокопарных фраз, смесь теоретического высокомерия с практической низменностью. Материализм, обогащенный диалектикой, считал В. И. Ленин, может и должен быть воинствующим, сражающимся, непобедимым, а не «сражаемым» из-за «обхождения» противника стороной и неспособности «побывать в стане врага».

Культура мышления предполагает умение «изнутри» вскрывать те причины, которые приводят к «падению» мысли, а не просто опровергать противоположные взгляды путем противопоставления им собственных.

Ставя задачи перед Союзом коммунистической молодежи, В. И. Ленин говорил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»¹. Вместе с тем он резко выступал против всезнайства, «комчванства», верхоглядства, высокомерия. Подлинная культура предполагает наличие системы связующих идей, сплавляющих «сумму знаний» в нечто цельное, а таковой может быть только диалектика, «живая душа марксизма», суть его материалистического мировоззрения и высший метод мышления. Вот почему ленинская формула о том, что коммунизм можно построить только на фундаменте всех достижений и ценностей цивилизации, совпадает с определением диалектики как суммы, синтеза всей истории знания, всей истории мышления.

Революционное марксистское сознание, теоретическим фундаментом которого является диалектика, стало движущей силой величайшего события XX века —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.

Великой Октябрьской социалистической революции. Реальная диалектика истории подтвердила диалектическую прозорливость, ясность, гибкость и принципиальность мысли величайшего гения человечества — В. И. Ленина.

Есть большой смысл в крылатом декартовском выражении: «Я мыслю, следовательно я существую». Способность мыслить — ценнейшее свойство человека, возвышающее его и придающее ему силу в жизненной борьбе.

Нравственно-гуманистический фундамент мышления

Во всех эксплуататорских общественно-экономических формациях господствующие классы всегда стремились сохранить неразвитость мышления народных масс, отделяя народ от образования и культуры, а школу — от жизни. При этом усиленно насаждался миф о наличии у представителей правящих классов прирожденных интеллектуальных преимуществ.

Заслуга французских просветителей XVIII века, и особенно Гельвеция, состояла в том, что они впервые

поставили вопрос о природном равенстве умственных способностей людей. Правда, сам Гельвеций преувеличивал значение внешних условий для умственного развития, но его стремление показать, что природная одаренность не зависит от сословной принадлежности, имело большое прогрессивное значение и оказало в последующем заметное влияние на формирование материалистической теории мышления, гуманистической по своему характеру. «Не требуется большой остроты ума,— писал К. Маркс,— чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о приращенной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д.— и коммунизмом и социализмом... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»¹.

В современной психологии встречается точка зрения, согласно которой человек развивается под воздействием двух факторов, двух «программ»: с одной стороны, под влиянием наследственности (врожденных инстинктов, влечений, способностей), а с другой — под влиянием внешней среды (природной и социальной). Но теория двух факторов объясняет только предпосылки формирования личности; здесь не затрагивается, пожалуй, самое главное обстоятельство, а именно то, что все качества, которые человек получает благодаря наследственности и влиянию среды, в конечном итоге преломляются через тот или иной способ его деятельности.

Хотя биологические циклы развития, в особенности определенная степень зрелости нервной организации в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145—146.

пору становления человеческой личности, оказывают известное влияние на направленность и уровень мышления, но это влияние неоднозначно и его не следует преувеличивать. Решающим является содержание деятельности, включающей индивида в сеть социальных отношений и поток истории.

Вряд ли можно объяснить выдающиеся успехи многих деятелей науки и культуры прошлого только действием двух «программ» формирования личности. Косноязычному от рождения Демосфену «не положено» было стать одним из самых блистательных ораторов древности, рабу Эпиктету — знаменитым философом, сыну рыбака М. В. Ломоносову — гениальным ученым, крепостному крестьянину Тарасу Шевченко — великим поэтом, болезненному от рождения А. В. Суворову — великим полководцем. Они сами сделали себя такими, какими их знает весь мир, причем вопреки известным «программам». Это не означает абсолютной правоты житейской формулы «талант везде пробьет себе дорогу». В неблагоприятных условиях на одного «пробившего себе дорогу» приходится десятки и сотни, если не тысячи, людей, так и не реализовавших своих возможностей. Но это не означает и того, что в обществе, где будут созданы все условия для свободного развития всех, начнется автоматическое расширенное производство «гениев» и «талантов». И здесь за каждым успехом человека будет лежать возвышающая сила личного целеустремленного труда, созидающего саму личность.

В деятельности и благодаря ей человек становится как бы выше данных ему от природы границ умственных и физических возможностей, умножая год от года свой интеллектуальный потенциал и достигая поразительного творческого долголетия. Совершенствованию поистине нет пределов. Это видно на примерах жизни Микеланджело и Тициана, Гете и Толстого. Японский художник Хокусай писал: «С шести лет у меня была

привычка изображать все, что я видел. В течение полувека я исполнил очень много картин, однако до 70 лет не сделал ничего значительного. В 73 года я наконец постиг строение животных, насекомых, птиц и растений. Поэтому могу сказать, что вплоть до 80 лет мое искусство будет непрерывно развиваться, и к 90 годам я смогу проникнуть в самую суть искусства, а к ста годам мое искусство, вероятно, станет замечательным. Когда мне исполнится 110 лет, каждая линия, каждая точка — будет сама жизнь».

Одним из последствий происходящей в настоящее время научно-технической революции явилось то, что эксплуататорский класс в странах капитала был вынужден сделать существенную уступку трудящимся, поскольку технический прогресс потребовал значительных затрат на интеллектуальное развитие пролетариата. Но эта уступка была продиктована отнюдь не гуманными чувствами эксплуататоров, а логикой острой конкурентной борьбы, поставившей их перед необходимостью постоянного технического перевооружения промышленного производства. В то же время они крайне озабочены побочным продуктом «плодов просвещения» — пробуждением классового самосознания трудового народа, обретением им собственной, никем не навязанной системы оценок социальной действительности с позиций угнетенной и эксплуатируемой части человечества. Это двойственное отношение к разуму порождает неустранимое противоречие между двумя основными тенденциями в сфере современной буржуазной культуры мышления. С одной стороны, человечество переживает не имеющую прецедентов интеллектуальную революцию, в невиданных ранее темпах происходит накопление интеллектуального потенциала, подчас принимающее на Западе уродливые формы, когда ум человеческий становится предметом безудержной торговли и спекуляции («утечка мозгов», а точнее, их «скупка»);

с другой стороны, разворачивается борьба против человеческого разума, которая ведется всеми средствами буржуазной пропаганды. Но этого мало. Предполагается использовать в этой борьбе и новейшие средства современной науки, в частности нейрофизиологии и генной инженерии.

О чудовищных экспериментах, проводимых разведывательными ведомствами США, по изменению человеческого поведения с помощью химических препаратов сообщала «Нью-Йорк таймс». Речь идет о создании средств, «которые позволили бы сломить волю человека и запрограммировать его для выполнения любой миссии, даже вопреки таким основополагающим законам природы, как инстинкт самосохранения». В исследовательских центрах США ведется подготовка людей-роботов, которые могли бы под воздействием наркотиков, гипноза, электрошока не только механически выполнять волю своих хозяев, но и «забывать» обо всем содеянном.

«Чистка» мозгов осуществляется и путем массированного воздействия буржуазной пропаганды, отравляющей сознание людей духом практицизма и делачества, вещизма и потребительского отношения к человеческим ценностям, способствующей высвобождению низменных, животных страстей, разжиганию национальной розни. Особую роль играет здесь так называемая буржуазная массовая культура, призванная удовлетворять примитивные духовные потребности «одномерных» людей-индивидуалистов, усматривающих основной смысл жизни в потреблении вещей, и тем самым способствовать оболваниванию народных масс, утрате ими чувства реальности, подавлению у них стремления к общественной активности.

Недооценка наступательного характера буржуазной пропаганды неизбежно ведет к потере правильной ориентации в жизни. Поэтому столь важно воспитание у

каждого советского человека реалистического мышления, опирающегося на факты и критическое отношение к буржуазным политическим мифам, которыми столь богато наше время.

Чувство ответственности за содеянное, широта политического кругозора становятся неотъемлемыми чертами культуры мышления современной эпохи. И как же далеки друг от друга совесть А. Эйнштейна, предупреждавшего в свое время президента США Ф. Рузвельта о возможности изготовления атомной бомбы в гитлеровской Германии и утратившего покой после атомного кошмара Хиросимы и Нагасаки, ставшего последовательным борцом за мир, противником создания, распространения и применения ядерного оружия, и «совесть» Э. Теллера, «отца» водородной бомбы, и других ученых — создателей нейтронного оружия. Какая издевка над человеком звучит в рекламе самого «гуманного» оружия массового поражения, как окрестили новую бомбу, «гуманного» в том смысле, что она прежде всего убивает все живое, оставляя по большей части нетронутыми материальные ценности.

Еще в древности Аристотель провел очень четкое различие между изобретательностью ума и его нравственным содержанием. Изобретательность, по его мнению, «состоит в том, что человек, благодаря ей, может найти и добыть подходящие средства для известной цели». В отличие от практического ума, нацеленного на людское благо, она может быть с одинаковой силой обращена и к благу, и к злу. «Нельзя быть практичным, не будучи нравственным» — вот окончательный вывод Аристотеля. По мнению аль-Фараби, «разумным считается только тот, кто умен и сообразителен, будучи к тому же добродетельным человеком, применяющим свои качества к совершению достохвальных действий или ради избежания действий порочных». Он отмечал, что люди воздерживаются называть разумным челове-

ка, использующего свой интеллект для совершения зла, и применяют к нему такие определения, как «коварный», «хитрый» и т. д.

Любое научное знание, как показал опыт развития науки нашего столетия, может быть направлено к благу человечества или к его злу. Выдающиеся достижения физики указали пути выхода из энергетического кризиса, и одновременно с ними было связано появление самого опасного оружия массового поражения; в химии создание новых материалов и ее вклад в повышение эффективности сельского хозяйства сопровождались созданием высокотоксичных веществ, предназначенных для военных целей; в биологии большие успехи в изучении жизни были достигнуты наряду с созданием бактериологического оружия и т. д. Новейшие успехи генетики и новой ее ветви — геномной инженерии, открывшей пути управления наследственностью, разработки эффективных методов борьбы с голодом (выведение наиболее продуктивных сельскохозяйственных культур), со злокачественными опухолями, с вирусными и наследственными заболеваниями, вызвали в затуманенном мозгу фашиствующих воротил большого бизнеса «взрыв» бредовых идей о «селекции» и серийном производстве «сверхлюдей», одержимых «волей к власти», и роботов-исполнителей в человеческой оболочке, ни к чему не стремящихся и способных только выполнять трудовые операции.

Иллюзия о существовании «чистой» науки, стремящейся только к «истине», рухнула еще в период первой мировой войны и развеялась как дым после первой атомной бомбардировки. Нельзя жить в обществе и не зависеть от общества, нельзя быть «свободным» от политики — вот истина, которая усваивается ныне многими крупными учеными, истина, выстраданная горьким опытом использования науки против человечества. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами

обмана и самообмана в политике,— писал В. И. Ленин,— пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹.

О возросшей социальной ответственности ученых свидетельствует тот факт, что ведущие представители молекулярной генетики предложили ввести запрет на проведение некоторых видов экспериментов в области генной инженерии до выяснения степени их фактического риска и разработки соответствующих правил и предписаний. Следует, однако, учитывать, что, несмотря на заметный рост числа ученых — сторонников мирной ориентации науки, борьба за гуманизацию науки в буржуазном мире может носить лишь довольно ограниченный характер.

Есть нечто глубоко символичное в совпадении двух смыслов в слове «мир»: мир — вселенское сообщество людей и мир — антипод войны. Мир людей ныне немислим без активной поддержки мира на земле. Высшая политическая мудрость современной эпохи — это борьба за мир, которая является курсом Коммунистической партии Советского Союза, братских партий стран социализма, всех коммунистов и которая служит интересам всего человечества.

Подлинная культура мышления связана с постановкой гуманных целей: «Все во имя человека, для блага человека». Разум — специфическое отличие, выдающаяся особенность человеческого рода, и он не должен быть обращен против самого человека. Поэтому всю предшествующую историю, историю антагонистических обществ, приведшую к появлению и укреплению групп, сословий, классов, угнетающих и эксплуатирующих большинство человечества, следует рассматривать как

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

предысторию общества и предысторию разума. «Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме»¹, — эти слова К. Маркса преисполнены глубокого смысла. Вся предшествующая история, да и современность полны примеров вандализма «ума» — от примитивных орудий труда, обращенных в средство охоты на человека, до нейтронных бомб и крылатых ракет. Только снятие этого всемирно-исторического противоречия разума самому себе, обращенности его против самого себя может привести к обретению им своей собственной «разумной формы».

Подлинный гуманизм, не имеющий ничего общего с мелкой благотворительностью и беспочвенными благими пожеланиями, игнорирующими реальную действительность, выступает в непосредственной связи с практикой освобождения всего человечества от этой разорванности разума, от всех видов отчуждения человеческой сущности, от любых форм эксплуатации и совпадает поэтому с коммунизмом. Именно с марксизмом-ленинизмом, впервые указавшим путь к освобождению человечества, на который уже стали сотни миллионов трудящихся, связано открытие высшей формы культуры мышления, утверждающей ныне свою мощь в практическом строительстве человеческого общества на разумных началах.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 380.

Заключение

Культура мышления имеет прямое отношение ко всей культуре советского человека — активного создателя нового, коммунистического общества. Опыт строительства социализма полностью опроверг антинаучные спекуляции по поводу «ограниченных» умственных способностей людей «из низов». Множество достижений отечественной науки, занимающей ныне во многих своих отраслях лидирующее положение в мире, связано именно с деятельностью выходцев из потомственной среды рабочего класса и крестьянства. Более того, история решительно опровергла классовый предвзгляд эксплуататоров о превосходстве «чистой» умственной деятельности, являвшейся долгое время их привилегией, над «грубой» физической деятельностью трудящихся масс и показала, что в век научно-технической революции создателю материальной культуры так же необходима культура мышления, как и человеку науки, искусства, политики. Всеобъемлющий труд человека впервые предстал в единстве своих физических и духовных качеств.

Социализм уничтожил величайшую историческую несправедливость, утвердив право на обладание культурой тех, кто ее создает. «Раньше,— говорил В. И. Ленин,— весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого —

просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»¹. В этом — величайшее завоевание социализма, в условиях которого право на труд совпадает с правом на культуру.

Со всей остротой следует подчеркнуть, что подлинная культура мышления не есть нечто отвлеченное от фундаментальных человеческих ценностей, от мировоззренческих ориентаций. Вырастающая из познавательного опыта человечества высшая, коммунистическая культура мышления немыслима без гуманистически партийной ориентированности. Безусловно, эта культура подразумевает освоение всей предшествующей истории мысли, но освоение критичное.

Следует, далее, иметь в виду, что предложенное нами ранее определение культуры мышления как существенной черты культуры личности не должно дать повод рассматривать его в духе идеализма Гегеля, для которого культура как таковая воплощается во «всеобщности» мышления и этим исчерпывается. Следует иметь в виду, что богатство и разнообразие общей культуры проявляется применительно к личности в богатстве ее отношений к миру. Поэтому о высшей культуре мышления можно говорить только тогда, когда она включена в контекст реальной жизненной борьбы за утверждение коммунизма.

Зрелость культуры мышления, являющейся как бы живым сплетением бесконечного множества социальных связей, определяется богатством и глубиной нравственного содержания личности, широтой теоретических познаний, всей гаммой чувственных переживаний, активной жизненной и гражданской позицией че-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

ловека, осознающего свою миссию в современном мире и причастного к поступательному движению человечества к коммунистическому будущему. Ум человеческий имеет отношение ко всему, с чем соприкасается человек, и в этом пункте культура мышления как бы совпадает с самим способом бытия человека, которому до всего есть дело и которого ничто не оставляет безучастным, пока живы в нем сознание, разум и совесть.

<i>Введение</i>	3
МЫШЛЕНИЕ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	
<i>Рождение мысли</i>	10
<i>Разум мифа</i>	19
<i>Народная мудрость и здравый смысл</i>	26
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРА	
<i>Что есть ум?</i>	42
<i>Архитектоника интеллекта</i>	57
<i>Мышление и дело</i>	68
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ	
<i>Мышление и теория мышления</i>	78
<i>Дисциплина мышления</i>	91
<i>Диалектика и творчество</i>	102
<i>Нравственно-гуманистический фундамент мышления</i>	116
<i>Заключение</i>	125

Агын Хайруллович Касымжанов,
Акылбек Жолмухаметович Кельбуганов

О КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *А. Н. Голубев*
Младшие редакторы *Е. С. Молчанова* и *Ж. П. Крючкова*
Художник *А. О. Семенов*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2435.

Сдано в набор 01.10.80. Подписано в печать 13.02.81. А00011.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать офсетная. Условн. печ. л. 5,6. Учетно-изд. л. 5,21. Тираж 200
тыс. экз. Заказ № 659. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

Рождение мысли
Разум мифа
Народная мудрость
и здравый смысл
Что есть «ум»?
Архитектоника интеллекта
Мышление и дело
Мышление и теория мышления
Дисциплина мышления
Диалектика и творчество
Нравственно-гуманистический
фундамент мышления

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

